

**Институт Латинской Америки
Российской академии наук**

В. М. Давыдов

**ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗВИТИЯ
ЛАТИНО-КАРИБСКОЙ АМЕРИКИ**
Сопряжение глобальной и региональной
проблематики

Москва 2016

В.М. Давыдов. Детерминация развития Латино-Карибской Америки. Сопряжение глобальной и региональной проблематики. М.: ИЛА РАН, 2016. – 72 с.

ISBN 978-5-9908156-3-6

В детерминации развития стран и регионов действуют факторы разного порядка. В данной работе предпринята попытка оценить сочетание и сочленение глобальной и региональной проблематики в опыте развития Латино-Карибской Америки. В поле зрения находятся общая динамика мировой экономики, её воздействие на экономическое положение латиноамериканских стран, значение экологического императива в том и другом случае, структурная трансформация, побуждаемая сменой технологической основы, и неравномерность развития и распределения благ развития в общемировом и региональном разрезе.

ISBN 978-5-9908156-3-6

© В.М. Давыдов, 2016
© Институт Латинской Америки РАН

Содержание

1	Обозначение темы.....	5
2	Глобальный контекст экономического развития латиноамериканского региона.....	7
	Заторможенная динамика мирового хозяйства • Мировая торговля: от опережения к нивелированию • Ограничения инвестиционной практики • Феномен финансирзации • Технологическая трансформация и инновационная парадигма • Нарастающее неравенство • Экологический императив • Надстройка мегапартнерств • Подковерные процессы • От 8 к 17 приоритетам	
3	Латинская Америка в обстановке «новой нормальности».....	38
	Последний мировой кризис: минимальные издержки • Ориентиры левых радикалов и левых прагматиков • Исторический прорыв: сокращение зоны бедности • Посткризисный период: недостаточный запас прочности • Инновационный процесс: новые и традиционные отрасли • Модель модернизации • Поступление иностранного капитала • Интеграционный опыт • Угроза криминализации • Экологическая политика • Реакция на приоритеты устойчивого развития	
4	Заключительные тезисы.....	60
	Приложение.....	67
	Библиография.....	70

1. Обозначение темы

Рассматривая современное состояние Латино-Карибской Америки (ЛКА), мы, понятно, не можем делать это вне мирохозяйственного (и мирополитического) контекста. С другой стороны, картина современной мировой экономики (МЭ) будет явно недостаточной без должного понимания места и роли этого макрорегиона в изменениях и сдвигах, детерминирующих эволюцию глобальной системы в целом. Но, коль скоро сегодня констатируется, что мировая экономика глобализировалась, приобретя соответственное системное качество, то неизбежно признание, что в такой динамической системе модификация в одном звене должна непременно передаваться на другие. В нынешних реалиях, при распространении оцифрованных коммуникаций подобная трансмиссия, понятно, действует практически в режиме «online». Отсюда логика ведет нас к следующему выводу – глобальная система обуславливает, детерминирует динамику и эволюцию отдельных ее частей и компонентов. Но и они, в свою очередь, корректируют, закрепляют либо ослабляют действие общей мирохозяйственной динамики. Таким образом на ниве латиноамериканистики, как впрочем и в поле других регионоведческих изысканий, необходимо в полной мере прослеживать и учитывать обозначенную диалектику.

Подчеркнем также, что наше восприятие особенностей современной ситуации в мировой экономике (да и в мировой политике) ассоциируется с переходным периодом исторического значения [5, с. 14-15]. Такую констатацию разделяют многие отечественные и зарубежные экономисты и политологи, ставящие целью своих исследований осмысление мировых трендов. Более того, в среде экспертов ООН стали появляться трактовки, оценивающие происходящие сдвиги как знамение «смены эпох» [34, р. 5].

Свою интерпретацию данного вопроса автор сформулировал следующим образом. Современный этап мирового развития имеет убедительные признаки переходности. К ним относят: отход в прошлое биполярного мироустройства, краткосрочное существование квазимоноцентричности, начавшееся продвижение к полицентричному миропорядку; смену технологической основы экономики в обстановке глобализации; усиление неравномерности экономического развития. Как результат, модифицируются силовое поле международного взаимодействия и мировая «табеля о рангах», начинается новое структурирование системы международных отношений. Подобная переходность сопровождается возрастающими конфронтационными рисками, тем более что прежние механизмы глобального регулирования расшатываются. В этой связи подчеркнем: **неопределенность мирохозяйственного бытия, турбулентное состояние и мировой экономики, и мировой политики и есть на сегодня естественное следствие нынешнего состояния переходности.** Иначе, наверное, и не может быть.

Хотя в трактовках переходного периода у различных авторов обнаруживается немало общих мест, мы видим и расхождения – по большей части в интерпретации его содержательного наполнения. Априори суммируя разговор о доминирующих сдвигах в мировой экономической практике, заметим, что, на наш взгляд, в совокупности они отражают **многовекторную структурную трансформацию** глобальной системы экономических взаимосвязей и социальной организации.

Автор, разумеется, не ставил и не мог ставить перед собой задачу объять необъятное поле как глобальной, так и региональной проблематики. Задачи данной работы много скромнее; они видятся в том, чтобы выделить и оценить ключевые тренды и особенности нынешней фазы развития в глобальном и региональном разрезе, выяснить степень кор-

реляции между процессами на двух уровнях, а также отличия в проявлениях тех или иных тенденций в условиях ЛКА. Иными словами, важным представляется, во-первых, определить соотношение общего и особенного в современной проблематике латиноамериканских и карибских государств на общемировом фоне. А во-вторых, – оценить обусловленность, детерминированность событий (процессов), происходящих в ЛКА, в глобальном контексте. В свое время эта тема уже прорабатывалась автором в монографии 2000 г., подготовленной в соавторстве с А. В. Бобровниковым и В. А. Теперманом, но это было сделано применительно к проблемам финансовой глобализации [6]. Кроме того, прошедшие полтора десятилетия внесли так много изменений, что неизбежно требуется дальнейшее углубленное исследование темы.

2. Глобальный контекст экономического развития латиноамериканского региона

Очевидно, что МЭ сегодня находится в продолжительной фазе **заторможенной динамики**. Последние десятилетия темп её роста демонстрирует тенденцию к понижению. По среднегодовому приросту ВВП он упал с 5,4% за 1960-е годы, до 3,8% в 1970-е и до 2,9% в период 1990–1999 гг., а затем сохранялся на том же уровне в 2000–2014 гг. (см. рис. 1). Этот показатель обнаруживает долгосрочный тренд ослабления экономической динамики в передовых странах. Именно там экономический рост поэтапно уменьшался, начиная с конца 1960-х гг. до настоящего времени. Напротив, экономики развивающегося мира прирастали темпом, заметно превышавшим среднемировой показатель. С начала 1960-х годов до 2014 гг. рост здесь ускорился (за исключением Среднего Востока, Северной Африки и ЛКА). Наибольшее ускорение отмечалось в Восточной Азии и Ти-

хоокеанском бассейне (АТР) и Южной Азии (Asia Meridional). В первом случае рассматриваемый показатель поднялся с 3,8 (1961-1969) до 8,6% (2000-2014). Во втором случае повысился с 4,1 до 6,6% в аналогичный период. На Среднем Востоке, в Северной Африке и ЛКА темп, напротив, опустился с 7,9 до 3,5% и с 6,1 до 3,2% соответственно [29, р. 68]. Но и в данном случае он оставался выше среднемирового уровня.

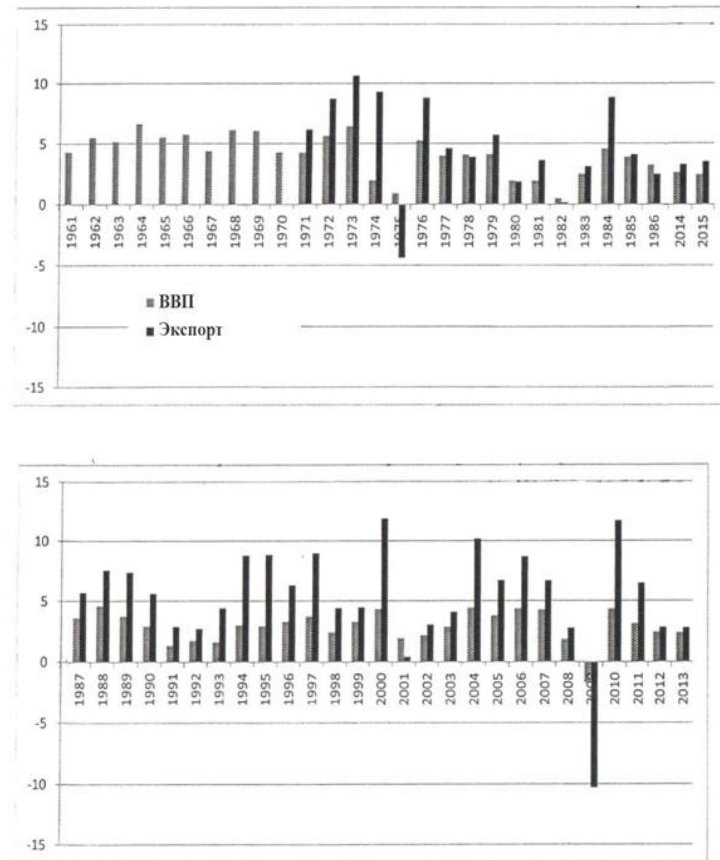
Показателен всё менее оптимистический (либо даже более пессимистический) взгляд на перспективу. Последнее время прогностические оценки относительно роста мировой экономики, как правило, стали клониться вниз на очередном временном рубеже (см. рис. 2). Сказывается неверие в регенерацию экономической активности в обозримой перспективе.

Динамика мировой торговли, в отличие от динамики производства (ВВП) и инвестиций, оставалась достаточно активной вплоть до последнего мирового кризиса (2008–2009 гг.). Но после него произошло замедление. Темп прироста торговли сократился с 7,6 в 1992–1995 годах до 4,8% в 2001–2015 гг. Отмеченную тенденцию подтверждает долгосрочная проекция показателя эластичности индекса стоимостного объема торговли относительно индекса промышленного производства. Он сократился с 2,0 в 1991 – 2000 гг. до 1,6 в 2002–2008 гг. и до 1,0 в 2010–2015 гг. [34, р. 28]. Иными словами, **торговля, существенно опережавшая производственную сферу, теперь по скорости роста сравнялась с ней, причем на скромном уровне.**

В первую очередь, эффект торможения объясняется фактом уменьшения валовых **инвестиций в основной капитал**. Темп их прироста изменился в общемировом зачете с 4,0 в начале 1970-х годов до 3,2% в 1980-е и 1990-е годы

Рис. 1

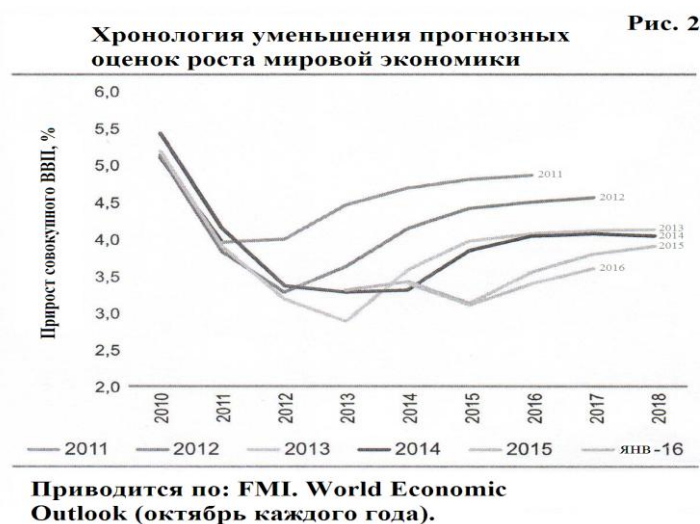
Вариации общемирового ВВП и совокупного экспорта товаров и услуг
(в % годового прироста)

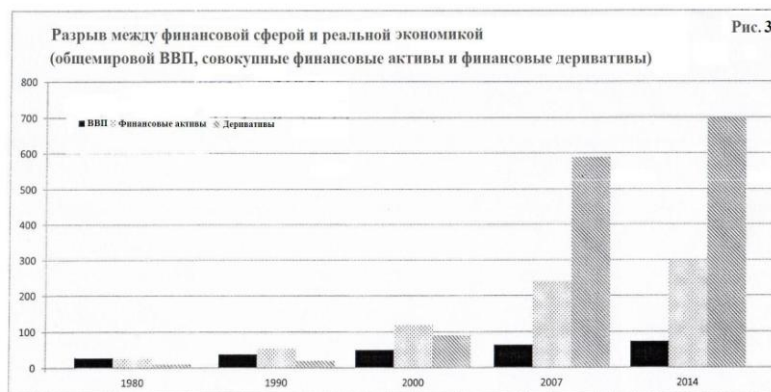
Источник: Horizons 2030. Equality at the Centre of sustainable development. 36-th session of ECLAC. Mexico City 23-27 May 2016, p. 6.

Восстановление показателя в начале 2000-х годов оказалось кратковременным и, начиная с мирового кризиса 2008-2009 гг., он оставался меньше 3%. Колебания в инвестиционной динамике, естественно, взаимосвязаны с динамикой ВВП. На это прямо указывает коэффициент корреляции между темпами прироста двух факторов. Он был выше 0,8% на протяжении длительного времени – с 1971 по 2014 год (см. рис. 3).

На мировом рынке практически повсеместно ощущается **дефицит спроса и избыток ликвидности** (не находящей достаточно продуктивного применения). Если говорить о ЛКА, то это в значительной мере находит отражение в замене притока ПИИ притоком ссудного капитала. Но в силу признания рискованности вложений в регионе цена заемных денег для стран ЛКА выше, чем в зоне развитых экономик и в целом по МЭ.

Уменьшение темпов прироста валового продукта в общемировом масштабе прямо указывает на то, что на мировом рынке **ограничивается агрегированный спрос**. Но это ограничение парадоксальным образом сосуществует сегодня с избыточной финансовой ликвидностью. Финансовый сегмент мировой экономики вошел в фазу квазиавтономной мультипликации активов, в которую вносят свою лепту участвовавшие отклонения в балансах текущих операций и нарушения долговых обязательств.

Источник: Horizontes 2030. La igualdad en el centro del desarrollo sostenible. CEPAL, Mexico 23-27 de mayo de 2016, p. 17.

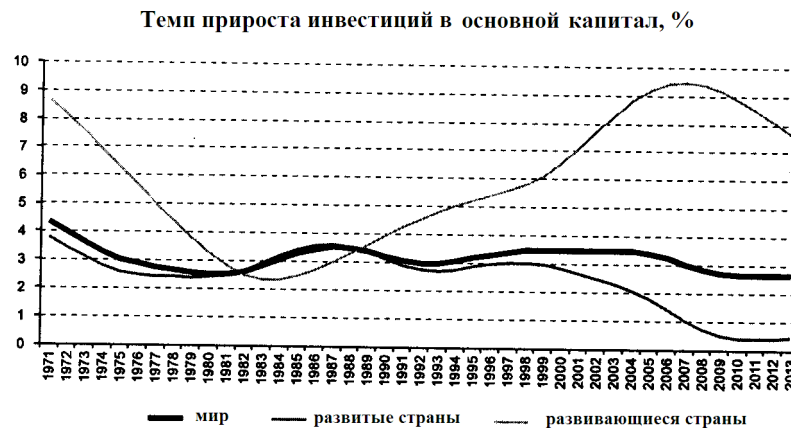
Как показано в приводимой диаграмме (см. рис. 3), **финансовый сектор** увеличивался с беспрецедентной скоростью. В период 1980–2014 гг. совокупные мировые активы (исключая деривативы) выросли с 12 до 294 трлн долларов. А это означает, что если в 1980 г. он превосходил совокупный ВВП в 1,1 раза, то в 2014 г. – в 3,7 раза. За то же время объем деривативов (деривативных контрактов) повысился с

одного до 692 (!) трлн долларов Таким образом, он приравнялся к 70% общемирового объема активов [34, р. 29].

Изменения в финансовой сфере имеют серьезные последствия для реальной экономики. В этом смысле показательна конъюнктура рынка комодитиз. Сырьевые ресурсы превращаются в финансовые активы постольку, поскольку их цены в большей мере формируются в соответствии с уровнем ожиданий на будущее (фьючерсы), чем в соответствии с текущим рыночным соотношением между спросом и предложением. Такие крупные корпорации, как Goldman Sachs, JP Morgan и Morgan Stanley играют возрастающую роль на сырьевых рынках. Растущее значение комодитиз (биржевых товаров) в качестве финансовых активов может быть объяснено и тем обстоятельством, что они всё больше ассоциируются с такими финансовыми активами, как акции на условиях окупаемости (возврата), а также фактом усилившейся волатильности [34, р. 31]. «Это означает, что поведение (конъюнктура) комодитиз становится всё более зависимым от факторов, объясняющих поведение и колебания товарных рынков» [34, р. 31].

Помимо этого, в зоне финансовых услуг находится большой сектор, который не поддается формальному регулированию. Это – **теневая банковская сфера (shadow-banking)** которая серьезно усиливает мотивы неопределенности и непредсказуемости. Это во многом объясняется увлечением практикой дерегулирования на предыдущем этапе. Именно она сместила рост в сторону теневого сектора на национальном и глобальном уровне. Речь идет о финансовом посредничестве вне формальной системы, об операциях по кредитному посредничеству, включая левверидж и реструктурирование задолженностей.

Рис. 4

Приводится по: WB. World Development Indicators, 2016

В общемировом масштабе теневой финансовый капитал со времени последнего кризиса увеличился с 60-67 трлн до 71 трлн долл. к 2012 году. Таким образом, согласно данным Бюро финансовой стабильности, он достиг 24% всех финансовых активов и 46,7% активов мировой банковской системы [34, р. 31].

Хотя большинство западных коллег говорят о наступлении новой технологической революции, т. е. о вхождении мировой экономики в **фазу радикальной переделки технологического базиса**, всей базовой технологической инфраструктуры, я бы всё же поостерегся выступать со столь торопливой констатацией. Слов нет, совокупность научных открытий и изобретений, предваряющих такую революцию, наличествует. Они даже превращены в прикладные разработки и опробованы в пилотном порядке. Однако все же нельзя говорить о свершившемся перевороте. Но можно говорить о его реальности в обозримой, не очень далекой перспективе. С этой точки зрения более адекватной представ-

ляется формула С.Ю. Глазьева и Ю.В. Яковца о переходе от пятого к шестому технологическому укладу.

Но каково всё же основное содержание начавшегося процесса коренного обновления? Содержание стартовавшего и грядущего технологического переворота обильно трактуется в специализированной литературе. Исходя из существующих представлений, попытаемся выделить ключевые ориентиры. Считается, что **перспектива обновленческого процесса связана с четырьмя областями: нано-, биотехнологией, информационной и когнитивной технологией, которые в сочетании призваны дать синергетический эффект.** В прикладном значении обычно обращается внимание на **нововведения в здравоохранении**, направленные на продление жизни и повышение её качества: посредством генетического анализа раннего предупреждения, контроля за функционированием биологических органов, селективного лечения клеток, наносредств, имитирующих биохимические процессы, инженерии биотканей в целях трансплантации.

Сюда же следует отнести целый комплекс новейших разработок в самых разнообразных сферах. Например, наращивание мозгового потенциала в системе компьютер-человек. **Нововведения в сфере энергетики**, включая «умные» энергосети, использование микроорганизмов для производства биотоплива, использование нанометодов для повышения КПД солнечных батарей. **Производственные процессы**, которые сочетают технологию трехмерной распечатки, использование аддитивной технологии, допускающей отход от линий монтажа и неограниченные возможности вариаций в проектировании. Считается, что распространение этой технологии изменит размещение производства и может нейтрализовать процесс утраты конкурентоспособности развитыми странами, возвращая туда часть производства, которая в последние десятилетия переводит-

лась в развивающиеся государства. **Комплекс коммуникативных нововведений** на основе интернета, создающий подлинную всеобщность бытия. Самый большой риск – хакерские атаки; некоторые авторы небезосновательно считают электронно-информационное оружие эквивалентным ядерному. **Робототехника**, опирающаяся на биороботику и нанотехнологию. Беспилотные транспортные средства и микро-аппаратура (в т. ч. невидимая человеческому глазу). Эти технологии существенно повысят рабочие возможности человека, но будут связаны с огромными рисками, учитывая шансы их широкого применения в военном деле.

В разных сегментах МЭ мы являемся сейчас свидетелями усиливающейся смычки научно-исследовательской сферы, сектора, превращающего ее продукт в прикладные разработки, и корпоративной практики, вовлекающей новшества в производство товаров и услуг. Видим, что в нынешних условиях **инновационная практика становится мощным интегратором, создающим лидирующий кластер в передовых экономиках и в целом в системе мировой экономики**. Усиление этого кластера и его экспансия способствуют структурной перестройке, в ходе которой на передний план выдвигаются новые отрасли, но не только. При анализе развивающихся процессов важно видеть весь спектр технологического обновления. Инновационный бизнес, подчеркивает академик Н. И. Иванова, – «это и предприятия, расширяющие возможности технологического развития традиционных отраслей. Иначе говоря, инновационным может быть не только хайтек, но и, например, строительство, сельское хозяйство, добыча нефти» [7, с. 6]. Рождаются, начинают лидировать, а затем и доминировать такие сегменты как «зеленая экономика» (включая зеленую энергетику), интернет-индустрия. Корпорации, строящие бизнес в такой сфере деятельности, начинают соперничать

по активам и оборотам с традиционными гигантами мирового рынка.

Между тем, при все большей взаимозависимости обнаруживается нарастающая **неравномерность** развития. Это обстоятельство мы в свое время акцентировали в разделе «новые центры силы» в коллективной монографии «Россия в полицентричном мире». В современных условиях неравномерность развития проявляет себя в разных измерениях. В том числе – изменением отраслевых пропорций мирового хозяйства вследствие разноскоростной динамики. Перепадами в соотношении конкурентоспособности национальных хозяйственных систем, ростом различий в уровне благосостояния и качестве жизни передовых и отстающих государств. Ну и, конечно же, в крайне непропорциональном распределении доходов по ступеням социальной пирамиды. Далее, неравенство обнаруживает себя различиями скорости в диффузии технологических новшеств в различной социокультурной среде. С этой точки зрения, былые представления об униформности, обусловленной глобализацией, выглядят сегодня малоубедительно (примером может служить бестселлер начала нынешнего века книга Т. Фридмана – *La Tierra es plana* [31]). Эта униформность складывается в определенных сегментах, но далеко не во всех звеньях хозяйственной системы.

В нынешнем мировом контексте ситуация усугубляется тревожным поворотом к усилению **социального неравенства**. Об этом с большими опасениями говорят и экономисты, и политики, и международные чиновники. Не случайно этой теме посвящены последние работы Пола Кругмана и Джозефа Стиглица. Исследование Стиглица показывает, что кривая социальной неравномерности и в США, и в других странах развитой экономики развернулась вверх после реформ «рейганомики» [39, p. 415].

Но дело не только в практически повсеместном увеличении разрыва между высшим и низшим слоями, о котором имеются неопровержимые доказательства. Речь идет также об эрозии средних слоев, ставших действительно массовым сегментом в социумах «коллективного Запада» (см. публикации Серхио Битара [27; 28]). Убедительную трактовку проблемы социального неравенства дали российские ученые А.Ю. Шевяков и А.Я. Кирута, применявшие эконометрические методы. Они дифференцировали аналитический инструментарий, разделив феномен неравенства на две категории – неравенство «нормальное» и «избыточное». Их вывод – проведенные исследования опровергают существующую точку зрения на неравенство как на неизбежный, но временный побочный эффект экономического роста. По их мнению, экономическому росту может благоприятствовать лишь состояние нормального неравенства. А избыточное, порожденное разными факторами, включая институциональные, отнюдь не убывает в процессе экономического роста и нуждается в длительной и многоплановой корректировке [22, с. 158]¹.

От себя добавим: исходя из мирового опыта, за нормальную бедность можно, видимо, принимать тот показатель, который характеризует состояние скандинавских обществ. Применительно к коэффициенту Джини он должен составлять примерно 0,25 – 0,30, хотя, конечно же, необходимы коррективы, прилагаемые к конкретным национальным ситуациям.

¹ В предисловии к книге упомянутых авторов, академик В. Л. Макаров пояснял: «авторы определили нормальное неравенство как ту часть общего неравенства, которая осталась бы после полного устранения бедности, а избыточное неравенство – как остаток от вычитания нормального неравенства из общего неравенства, обусловленный бедностью» (22, с. 4).

Как здесь не вспомнить о времени «соревнования двух систем». Слом одной из них фактически снял императив соперничества и соревновательный стимул по части социального благополучия. Результат – ликвидация прежних сдерживающих барьеров на пути усиления неравенства. Вероятно, именно в этом причина частых электоральных сюрпризов последнего времени в зоне «коллективного Запада» – откатов то вправо, то влево от центра.

Берусь утверждать, что тот же *Brexit* обусловлен протестными настроениями вообще, а не только недовольством практикой самого ЕС. В свою очередь *Brexit* провоцирует эффект домино: Шотландия хочет повторить референдум об отделении, активизировались настроения в пользу унии Ирландии и Ольстера. И в этих случаях корни проблемы также уходят к социальной поляризации и неустойчивости бытия среднего класса. К этому, думаю, имеет отношение и феномен Сандерса, электорат которого – современные фракции среднего класса США, в основном молодых возрастов.

Эффект неравенства и неравномерности вносит весомый вклад в интенсивные **миграционные потоки** последнего времени. Со стороны стран-доноров мотивация определяется реакцией на крайнее неравенство жизненных условий, на социально-политические катаклизмы из-за неспособности существующих режимов адаптироваться к новым императивам, заданным центрами мировой экономики. Судя по всему, наряду с прочими катализаторами нового переселения народов значительную роль стал играть **демонстрационный эффект, преумноженный новейшими информационными технологиями**. Конечно, в данном случае мы имеем совокупный эффект воздействия многих факторов. И среди них далеко не последнее место занимает геополитика. Практика прямо показывает: «экспорт демократии» однозначно усиливает факторы выталкивания мигрантов.

Рассматривая **демографические процессы**, оказывающие серьезное воздействие на трансформацию мировой экономики, необходимо учитывать целый ряд обстоятельств: эффект старения населения, сокращения удельного веса трудоспособных возрастов, действие и уменьшение действия демографического «бонуса», а, с другой стороны, компенсацию отсутствия «бонуса» миграционным притоком со всеми его издержками. Далее, эффект прогрессирующей урбанизации (ныне в большей мере дающий себя знать на периферии мировой системы). Образуется сеть мега-агломераций категории «глобальных городов» [16]. Именно эта сеть структурирует пространство мировой экономики, в свою очередь, распространяясь на новые мега-агломерации, вырастающие вне зоны «коллективного Запада». Сеть глобальных городов среди прочего усиливает тенденцию к децентрализации системы мирового хозяйства в её пространственном формате. Говоря сегодня о странах «нарастающих рынков», уже никак нельзя абстрагироваться от трансграничных функций и международной влияния таких центров, как Сан-Паулу и Мехико. Урбанизация, понятно, трансформирует и образ, и качество жизни. Но справедливо ли это в эпоху оцифровки коммуникаций и экономической деятельности? Ведь в условиях постиндустриального общества меняется соотношение города и деревни, крупных и малых городов. Макроагломерации нового типа в зоне передовых экономик сейчас сами децентрализуются. Но до этого феномена в большинстве развивающихся стран еще далеко.

Одна из ключевых смежных проблем – **роль средних слоев**. Эти слои становятся массовым, часто даже наиболее массовым компонентом современного социума как в центрах, так – и все чаще – на периферии мировой системы. Как хорошо известно, мерилom экономической и социальной зрелости государств служит **масштаб средних слоев**.

Можно сказать, что именно на переходе от эпохи индустриальной к постиндустриальной современный мир формирует социум с доминированием среднего класса. Критерии выделения в эту категорию не униформны. Крен заметен то в экономическую (доходы), то в социологическую (статус, образование, профессиональная принадлежность), а то и в социально-психологическую (самоидентификация) сторону. Недостатка в трактатах на эту тему нет. Чтобы не запутаться в сложностях учета многих нюансов и все же решить задачу статистической оценки веса средних слоев всё чаще используется упрощенный индикатор – интервал дневного дохода на душу населения. При этом специалисты Всемирного банка дополняют показатели подоходного распределения установлением степени стабильности получения дохода соответствующей стратой. Принимается следующая градация: дневная квота до 4 долл. США – бедные (неимущие и малоимущие), 4-10 долл. – уязвимые слои населения. В последнем случае верхняя граница доводится порой до 20 долларов (применительно к благополучным странам). Но чаще всего средний класс располагают в интервале 10-50 долл. дневного рациона [41, р. 2].

Меняются пропорции географического размещения массы среднего класса, а соответственно, и покупательной способности, спроса, доминирования тех или иных вкусов и стандартов. Иными словами, конъюнктура современного рынка будет всё больше определяться вне традиционных центров мировой экономики [27, с. 21]. Но важно и другое. Вспоминается в этой связи доклад Н.В. Загладина о глобализации гражданского общества. Коли так, то с изменением пропорций пространственного распределения должен в определенной мере меняться и идейно-политический климат в части мирового сообщества вне орбиты «коллективного Запада». Сегодня можно говорить о том, что ЛКА в

своей более развитой части переходит в разряд социумов с ключевым представительством среднего класса.

Таблица 1

Ориентировочная оценка по регионам численности среднего класса по состоянию на 2009 г. и прогноз на 2020 и 2030 годы (млн чел. и %)

Регион	Численность (млн чел.)			Процентные пропорции		
	2009	2020	2030	2009	2020	2030
Североамериканский регион	338	333	332	18	10	7
Европа (географически)	664	703	680	36	22	14
Центральная и Южная Америка	161	251	313	10	8	6
Азия и Тихоокеанский бассейн	525	1740	3228	28	54	66
Африка к Югу от Сахары	32	57	107	2	2	2
Ближний и Средний Восток и Северная Африка	105	165	234	6	5	5
Всего	1845	3249	4884	100	100	100

Приводится по: Kharas, Homi (2010). The Emerging Middle Class in Developing Countries. Working Paper, №285, OECD (<http://www.oecd.org/dev/44457738.pdf>).

Когда мы говорим о начавшейся **структурной трансформации** в системе мировой экономики, то, среди прочего, имеется в виду формирование **новой геоэкономической структуры мирового пространства** и, если говорить более заземленно, мирового рынка.

Автор изначально участвовал (а во многом и сам инициировал полемику) в дискуссиях по поводу **перехода от ква-**

зиднополюсной модели доминирования к многополярному миропорядку (см. материалы моего доклада на Отделении общественных наук РАН [3]). Оглядываясь назад, замечу, что, как мне представляется, тогдашняя постановка вопроса остается в целом правильной, найдя широкое признание. В чем-то, однако, были недооценены реальные сдвиги, где-то желаемое было выдано за действительное. Прежде всего, это касается роли **США** и возможностей их воздействия на общемировую конъюнктуру, решение отдельных мировых проблем. Что ж, как говорится, все мы не без греха.

Оценка нынешней роли, веса и места **Соединенных Штатов** в современной научной и аналитической литературе неоднозначна, включая позиции самих американцев. Свидетельство тому – острая дискуссия по данному поводу в академических кругах США. Их участники разделены на два основных лагеря. Образно говоря, одни поют во здравие, другие – за упокой. Во здравие – те, кто считает, что основы американской гегемонии (и лидерства) не подорваны, что США сохраняют лидерство по величине экономического потенциала, а также свое технологическое и финансовое превосходство, не говоря уж о военной силе. За упокой – те, кто, опираясь на реальные тренды, говорят об убывающем весе американской супердержавы в суммарных мировых показателях. Для этого есть основания: в 1946 году эта страна давала более половины мирового продукта, а сегодня не дотягивает до одной пятой.

Думаю, в поисках истины целесообразно предоставить слово латиноамериканцам и, прежде всего, мексиканцам. Уж они-то, как никто другой, знают своего соседа не только понаслышке или по данным статистики. Сошлемся в этой связи на недавнее обстоятельное исследование аналитиков из ряда ведущих университетов Мексики. Резюмируя это исследование, координаторы проекта использовали образ-

ное сравнение: система доминирования в мире нынешних США, в конечном счете, напоминает консистенцию швейцарского сыра грюйер: поверхность у него все еще твердая, но дыр в ней уже слишком много [30, р. 29].

Западноевропейский центр (в лице Евросоюза) после глобального кризиса 2008–2009 гг. теряет свои позиции в мировой экономике, что становится еще более очевидно с учетом эффекта *Brexit*. В зоне ЕС теперь кажутся обычными те показатели, которыми раньше характеризовались неудачи развивающихся государств (бюджетный дефицит и внешняя задолженность). Среди этих примеров Англия, Италия и, разумеется, Испания и Греция. Неутешительная в этом смысле статистика еженедельно появляется в британском журнале «Экономист» [40, р. 80].

Правда, сегодня не лучшим образом обстоят дела и у некоторых членов **БРИКС**. Скептицизм по поводу обстановки в новых центрах мировой экономики и политики, демонстрируемой некоторыми членами «пятерки», в последнее время получил «воодушевляющие» аргументы. Отрицательными примерами стали Бразилия и Россия. Конструкция российской экономики зашаталась под влиянием спада цен на углеводородное сырье, под воздействием санкций со стороны «коллективного Запада», и, будем откровенны, в основном по причине инмобилизма в существующей модели развития. **Бразилию** поразил одновременно и экономический, и политический кризис, как нам представляется во многом рукотворный. В **ЮАР** налицо и предпосылки, и попытки дестабилизации власти. Не будем наивными: и в том, и другом случае не обошлось без «помощи Вашингтона».

Немало рассуждают о торможении экономической динамики в **Китае**. Да, она заторможена, но до отметок, завидных для других стран. Возросшая роль Китая повсеместно признается. Однако эта роль будет выглядеть более внушительно, если принять во внимание добавку Гонконга.

Показательно, что когда власти КНР не хотят выставлять напоказ свою нарастающую экспансию, на передний край выходят гонконгские корпорации. А если представить себе возможность добавки еще и потенциала Тайваня (пусть не де-юре, а де-факто - путем постепенного сращивания двух экономик), то легко получить оценку в обозримой перспективе реального веса КНР.

Следующий новопришелец в число тяжеловесов мировой экономики – **Индия**. Давно и справедливо предсказывалось, что экономическая динамика КНР будет замедляться, а динамика Индии ускоряться. Для осведомленных аналитиков это предположение не было спрятано за семью печатями. Так и случилось; в частности, потому, что каждый процент прироста ВВП имеет уже другую цену, обладает более высоким качеством и весом. И переход на иной режим роста китайской экономики демонстрирует это в полной мере.

Говоря о новых центрах, вошло в привычку проходить по верхнему срезу новых центров, часто забывая при этом о представителях следующего ряда – представителях тех государств, которые относят к кругу «региональных лидеров». Среди них: Мексика, Турция, Индонезия, Иран, Египет ... И если в чем-то прав Томас Фридман, запустивший метафору Земли плоской, то в нынешних условиях протагонисты второго ряда, казалось бы, наоборот – нарушают монотонность «плоской» перспективы, создавая свои «выпуклости». Они существенно расширяют круг активных участников мирохозяйственного процесса – в обстановке его диверсификации и, в определенной мере, децентрализации.

Между тем, в среде экономистов, занимающихся глобальной проблематикой, все чаще звучат критические голоса по поводу **ущербности прежних индикаторов**, используемых в оценке уровня и потенциала экономического раз-

вития. Множится число различного рода рейтингов, претендующих и на междисциплинарный характер [8].

Одно из последних предложений – **индексы сложности национальных экономических систем (ИЭС)**, разрабатываемые в Гарварде группой специалистов под руководством Рикардо Хаусманна [33]. Они выработали свою систему показателей применительно к сетевой экономике и глобальным производственным цепочкам. Важно также, что Р. Хаусманн и его коллеги строят расчеты по категориям продуктов, различая высокую, среднюю и низкую технологическую принадлежность. В конечном счете, ИЭС нацелен на решение насущной задачи – оценки качества участия в МРТ. Не думаю, что критерий сложности, предложенный группой Хаусманна, способен заменить традиционные показатели, служащие для международных сопоставлений экономической зрелости. Необходимость доработки ИЭС очевидна. Следует оговорить: разработки команды Р. Хаусманна ориентируются не на производство, а на внешне-торговые товарные потоки. С учетом этого понятна его ограниченность, в том числе неспособность улавливать вклад внутрифирменного движения продукции и соответствующее добавление стоимости, а также то, что ИЭС во многом находится «в плену» чересчур изменчивой ценовой конъюнктуры мирового рынка. Поэтому слишком велики, как мы видим, его перепады в достаточно короткие сроки. Итак, ИЭС ограничивается (в нынешнем его виде) анализом международного перемещения товаров (без их внутреннего оборота), не претендуя на охват движения услуг. Таким образом, актуальная задача прослеживания цепей создания стоимости в этом случае решается только частично. Но и сейчас, пока еще в рабочем варианте, индекс все же дает дополнительные возможности для комплексной оценки мощи и конкурентоспособности национальных хозяйственных систем.

Какую же картину рисует команда Р. Хаусманна на основе ИЭС? Она показывает некоторое снижение в последние годы показателя США. Его превосходят Япония, Германия, Швейцария, а теперь и Южная Корея. Впереди США значатся также Австрия, Финляндия, Чехия, Венгрия, Словения, Словакия. Снизу Соединенные Штаты (занимающие 14-ую позицию) подпирают Италия, Ирландия, Франция, Дания, Бельгия и Израиль. Вслед за ними идут представители второго эшелона, в который довольно неожиданно попадают Польша и Румыния, Хорватия, Болгария и Беларусь. Как мы понимаем, Беларусь – особый случай, связанный с проводимой Минском политикой самообеспечения и с целенаправленным заполнением разнообразных продуктовых ниш, возникающих на российском рынке по тем или иным обстоятельствам. В остальном, похоже, речь идет о масштабной экспансии ТНК. Мы сейчас сетуем на приближение к российским границам военной инфраструктуры НАТО. Между тем, к нашим границам придвигается и другая инфраструктура – пояс многочисленных филиалов ТНК. Их впечатляющее число и потенции многократно превосходят емкость национальных рынков в странах-рецепторах. Согласно статистике ЮНКТАД, данные по Польше, Румынии, Чехии и Венгрии существенно превышают аналогичные показатели многих экономических тяжеловесов Европы. Судя по всему, речь идет не иначе как о подготовке плацдарма для массивного наступления на Восток – «дранг нах остен» [43].

Тем временем на мировой арене все более явственно вырисовывается перспектива **доминирования мегаблоков**. Новый контекст развития МЭ создают формирующиеся на мировом рынке своего рода мегаблоки, – лежащие на надстройке на существующие интеграционные образования и выходящие за рамки компетенции ВТО. Первая ласточка – **Транстихоокеанское партнерство** [19], в которое

вошли 12 стран, включая Чили и Мексику. Соглашение подписано в феврале 2015 г., но пока ещё не ратифицировано во всех странах-подписантах. Следующая ласточка – **Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП)** – ТТИП в русской транскрипции. Уже прошло 13 переговорных раундов, которые от имени ЕС проводила Еврокомиссия с американской стороной. Речь идет таким образом о 29 государствах с совокупным объемом ВВП по ППС в размере 33% общемирового продукта. Далее следует **Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)**. Его потенциальный состав – 10 членов АСЕАН плюс Китай, Австралия, Япония, Индия, Республика Корея, Новая Зеландия. В совокупности по ППС оно тянет на 31% мирового ВВП. К мегапартнерствам можно, видимо, отнести **Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП)**, который, по недавним заявлениям лидеров Китая и РФ, будет сочленяться с **Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС)**. В орбите ЭПШП/ЕАЭС находится более 30 государств с суммарным ВВП по ППС порядка 35% общемирового объема. Начинают вступать в практическую фазу соглашения отдельных стран с крупными интеграционными группировками. Соглашение «нового поколения» уже заключено Евросоюзом с Канадой; на очереди аналогичное соглашение с Японией, а затем и с Мексикой.

Думаю, не должен вводить в заблуждение ажиотаж вокруг упомянутых мегапартнерств. К их появлению ещё нельзя относиться как к свершившемуся факту. На пути их воплощения в жизнь есть немало камней преткновения. Достаточно напомнить, что, несмотря на факт подписания соглашения ТТИП, сегодня в США и в лагере демократов, и в лагере республиканцев звучат явно диссидентские ноты. Выходит наружу и недовольство в Евросоюзе чересчур настойчивым лоббированием Вашингтоном трансатлантического партнерства. Сентябрь 2016 г. был отмечен публич-

ным отказом президента Франции поддерживать этот мегапроект. Серьезная критика в его адрес на высоком правительственном уровне звучит в Германии и ряде других западноевропейских стран. Под огонь критики попала Европейская комиссия, которая провела уже 13 раундов переговоров с Вашингтоном в закрытом режиме.

Сейчас трудно однозначно прогнозировать итоги воплощения проектов мегапартнерств. Но понятно одно: если до сих пор один известный американский экономист, рассуждая об интеграционных процессах, уподоблял общее переплетение международных торгово-экономических соглашений «кому спагетти», то можно сказать, что мегапартнерства добавляют в «ком» ещё один, верхний слой «спагетти». В любом случае речь идет о надстройке над прежним договорным базисом мировой торговли. Западные специалисты считают, что речь при этом идет о естественной реакции на дохийский тупик в попытках продвинуться по пути либерализации в рамках ВТО. Пока не ясно, какими темпами будет создаваться надстройка. Но уже очевидно, что цепной реакции не избежать, и на этом поле будет сказываться столкновение многих интересов.

До сих пор, несмотря на вызревание общего осознания экологической угрозы и тяжелых последствий климатических метаморфоз, наблюдалось неуклонное усугубление ситуации (см. рис. 5). Приведем лишь один факт. С 1990 г. общемировой объем выбросов двуокиси углерода увеличился более чем на 50%. Киотский протокол, зафиксировавший общую обеспокоенность и минимум согласия международного сообщества по поводу совместных мер, не смог стать серьезным препятствием для нарастания эколого-климатических рисков.

Прогрессирующая эрозия **природной среды** выводит мировое сообщество на Рубикон, за которым начинаются необратимые катастрофические последствия. Надежды на

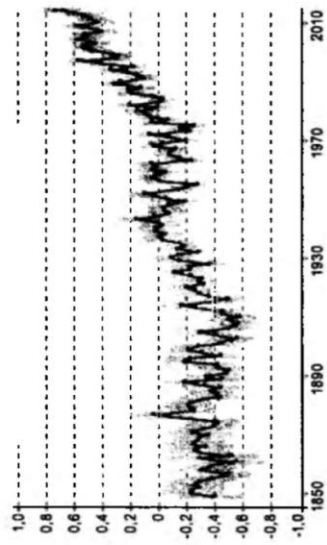
лучшее сегодня связаны с **Парижским соглашением 2015 г.**, закрепившим итог долгих и острых дебатов относительно пропорций ответственности и вкладов в мировой фронт практических действий. В Парижское соглашение отныне заложен **принцип общей, но дифференцированной ответственности**, признана особая роль лесных массивов, как тропических, так и нетропических, что до сих пор было камнем преткновения. Цель соглашения – до конца XXI века не допустить выхода среднемировой температуры за пределы двух градусов по Цельсию относительно доиндустриальных показателей, а, с другой стороны, приложить все возможные усилия для ограничения роста температуры 1,5 градусами по Цельсию. Соответственно установлены нормы сокращения выброса парниковых газов для развитых стран и стран с переходной экономикой. Важно также, что речь идет о приведении финансовых потоков в соответствие с траекторией развития, ведущей к понижению уровня выбросов и усилению противостояния климатическим отклонениям.

Очевидно, что в новых условиях приоритеты развития должны претерпевать существенные коррективы. Таков императив и в национальном, и в региональном, и в глобальном разрезе. Насколько возможен в новых условиях консенсус мирового сообщества по поводу общих рисков и коллективной стратегии по их нейтрализации? Похоже, что Парижское соглашение как раз и дает шанс выработки и реализации консенсусной программы – минимум на основе согласованной шкалы общечеловеческих ценностей.

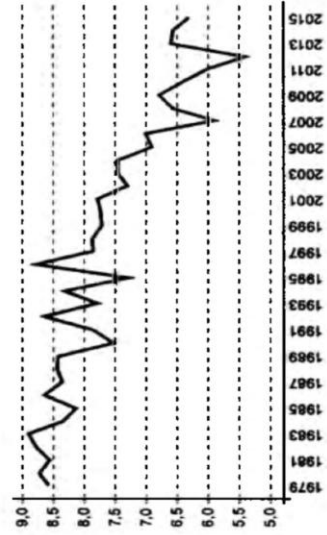
Представление о движении в этом направлении дает сопоставление **двух раундов формирования консенсусной программы действий**. Первый – выделение восьми приоритетов в качестве **Целей тысячелетия**, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 2000 году. Второй (по прошествии 15 лет)

Рис. 5

Аномальные отклонения температур в
1850 - 2015 гг.
(в градусах Цельсия относительно
средних показателей 1961 - 1990 гг.)

Изменение площади арктических
льдов в летний сезон 1978 - 2015 гг. (в
млн кв. км.)

Источник: *Horizons 2030...*, p. 21.

– **обозначение семнадцати общемировых приоритетов устойчивого развития** (см. приложение). Эволюция консенсусных представлений за прошедший срок, на наш взгляд, весьма симптоматична.

Прежде всего, обращает на себя внимание большая конкретность и большая амбициозность 17 приоритетов по сравнению с 8 целями тысячелетия. Нельзя сказать, что последние остались на бумаге. За 15 лет реализация поставленных задач продвинулась довольно далеко. Однако результаты далеки от полновесного осуществления. Правда, трудно было ожидать этого, имея в виду слишком большое отличие желаемого от действительного на момент запуска восьми «заповедей». Это тем более очевидно применительно к судьбе последнего, восьмого приоритета, ставившего задачу **сформировать глобальное партнерство во благо всеобщего развития**. Можно было предположить: расчет сделан на создание нового механизма глобального регулирования, что невольно вызывает скептические ощущения. Ведь воз, увы, и ныне там.

Второй список свидетельствует о том, что международному сообществу все же удастся достичь взаимопонимания по более широкому кругу вопросов. При этом центр тяжести - приоритеты достижения социального благополучия в расчете на приближение к равенству возможностей и обеспечение доступа к основным публичным благам, прежде всего к образованию, здравоохранению, достойному питанию, к продуктивной занятости.

Как явствует из 17 «заповедей», **тема неравенства и необходимости его преодоления** звучит теперь гораздо более настоятельно и внушительно по многим параметрам. Это свидетельствует о более широком понимании того, что **неравенство в разных его ипостасях есть одно из ключевых препятствий на пути экономического и социального прогресса**. Такой консенсус дорогого стоит.

Другая отличительная особенность – акцентированное **вторжение в эколого-климатическую проблематику**, применительно к которой звучит призыв осуществлять неотложные масштабные действия. В данном случае 17 приоритетов устойчивого развития находятся в русле Парижского соглашения.

Иными словами, в перечне стратегических установок на 2030 год доминируют два императива – социальный и экологический. Таким образом, с немалыми трудностями, но все же вокруг них удалось сформировать мировой консенсус. Другое дело – **имплементация, которая всегда является камнем преткновения**. И хотя в финале приоритетов 2030 года снова звучит сакраментальный призыв к имплементации, как всегда от слова до дела немалая дистанция.

Ну а поскольку речь идет о проблемах глобального характера, то и решение их лежит в плоскости глобального регулирования. В специальном исследовании на эту тему под «глобальным управлением» понимается система институтов, принципов, политических и правовых норм, поведенческих стандартов, которыми определяется регулирование по проблемам транснационального и глобального характера в природных и социальных пространствах. Такое регулирование осуществляется **взаимодействием государств** (прежде всего через сформированные ими многосторонние структуры и механизмы), **а также негосударственных субъектов международной жизни** [1, с. 7].

Выше уже шла речь о серьезнейшем препятствии на этом пути, своего рода камне преткновения – отсутствии адекватного механизма имплементации. Есть и другое, не менее важное обстоятельство. Обществоведческая наука предпринимает немало усилий для того, чтобы наиболее полно и всесторонне исследовать экономические и социально-политические реалии. Однако, откровенно говоря, пока мы способны адекватно оценить формально регистри-

руемые события и явления, но до сих пор не обладаем еще должными средствами и инструментами для познания неформализуемых или нерегистрируемых процессов. Другими словами, **мы вполне освоились с познанием «надковерных» событий, но не владеем (или плохо владеем) проблематикой «подковерной» жизни.**

Между тем, скрытая от глаз действительность представляет собой довольно широкий спектр реалий, которые очень существенно корректируют формализованные процессы. Неформальному (или теневому) сектору экономики посвящено немало аналитических работ. Растущий сегмент хозяйственной жизни связан с **криминальным оборотом товаров и услуг**, включая «живой товар», наркотики, оружие, торговлю человеческими органами, я уже не говорю о тривиальной контрабанде. Формирование и исполнение государственных бюджетов на бумаге – это одно, а де-факто в силу коррупции, сопряженной с финансовой преступностью, нередко получается совсем другое...

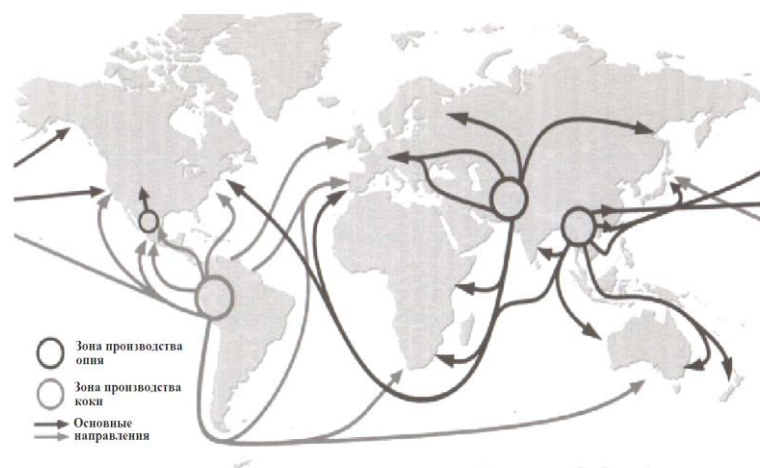
Кредитно-банковская система, казалось бы, ревниво оберегается от заразы «прачечных». Однако достоянием гласности стал прискорбный факт, связанный с тем, что в ходе мирового финансового кризиса 2008–2009 годов американские и некоторые западноевропейские банки, захлебывавшиеся от недостатка ликвидности, не побрезговали сотнями миллиардов наркодолларов для выправления своих активов. Коррупция съедает значительную долю финансовых ресурсов, направляемых в стратегически значимые проекты (напомним хотя бы о событиях вокруг космодрома Восточный). В прессе появилась информация о том, что эксперты оценивают общие потери от коррупции в 2% мирового ВВП. В монографии, подготовленной специалистами ИЛА РАН, приводятся следующие данные. По оценке экспертов Всемирного экономического форума, коррупция примерно на 19% удорожает ведение бизнеса и на 25% –

заклучение контрактов с партнерами из развивающихся стран. А перенос производства в страны с высоким уровнем коррупции приравняется к дополнительному налогу в размере 20% [44].

В то же время колоссальные и повсеместно растущие расходы на охрану и контроль использования формальных ресурсов тяжким бременем ложатся на издержки производства, неизбежно понижая конкурентоспособность там, где наличествует неблагоприятная криминальная обстановка. А разве не имеет экономического эффекта враждебная деятельность спецслужб, промышленный шпионаж, ведущийся ныне на масштабной информационной основе?

Борьба с организованной преступностью и коррупцией (идущих, кстати, рука об руку) становится приоритетной стратегической задачей во многих странах. Учитывая нынешний трансграничный масштаб оргпреступности, решение такой задачи на институционально-национальном уровне оказывается, однако, непосильным делом. Казалось бы, государство способно превзойти преступные синдикаты, имея доступ к современным техническим средствам. Конечно, это так, но далеко не во всех случаях. Таково первое обстоятельство. Но имеется и второе, отмечаемое в большинстве современных публикаций по проблематике антикриминальной борьбы. Темпы мимикрии мафиозных групп, их технологического обновления, пока, как правило, превышают способность к своевременной адаптации и технологической модернизации, которой обладают правоохранительные органы.

Каковы, например, потенции наркобизнеса? В.П. Иванов, руководитель Роснаркоконтроля (до ликвидации этого учреждения в апреле 2016 г.) подчеркивал, что наркотики формируют своего рода аналог золотовалютных резервов для квазигосударственных группировок, что неудивительно,

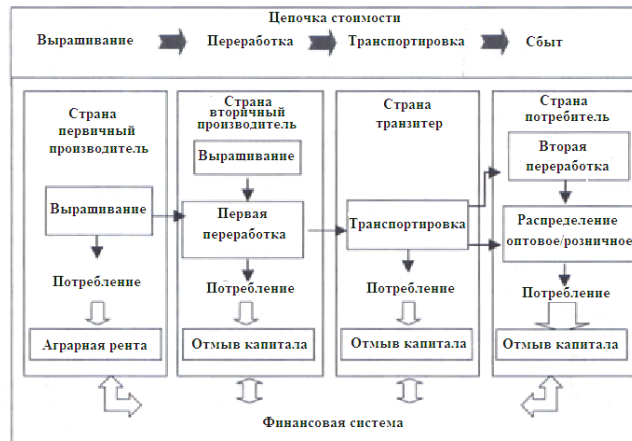

Приводится по: Méndez Gutiérrez del Valle, Ricardo. El nuevo mapa geopolítico del mundo. Valencia, 2010, p. 172

учитывая равенство по цене килограмма золота и того же кокаина или героина. Ежегодные доходы от оборота наркотиков оцениваются в 500 млрд долларов. Эти ресурсы образуют финансовую базу, которая вскармливает новых влиятельных субъектов, неизбежно вступающих в конкуренцию с государством и трансформирующих социально-политическую обстановку по своим представлениям. Криминальная активность, – считает В. П. Иванов, – формирует параллельную власть и нелегальную экономику, которая подчас превышает возможности национальных государств. Ну и, в конечном счете, непрекращающийся транзит наркотиков стал сегодня в мире главным фактором подрыва локальной, региональной и глобальной безопасности (см. рис. 6, 7).

Рис. 7

Схема производства, переработки, доставки и дистрибуции базовых наркотиков натурального происхождения

Приводится по: Mendez Gutierrez del Valle, Ricardo. El nuevo mapa geopolítico del mundo. Valencia, 2010, p. 177

Строго говоря, перед нами все ещё наполеоновская матрица – государство министерств. **Без коренной модернизации государства** бессмысленно ставить вопрос о соотношении государственного и частного (рыночного) начала в экономическом развитии. Одно дело – государство эффективное, рациональное, энергичное, другое – коррумпированное, погрязшее в бюрократизме и nepотизме. Впрочем, то же можно сказать о представительстве бизнеса. Одна его часть законопослушна, другая – не очень, третья может быть криминализованной. Таким образом, безотносительно к этому различию, часто бессмысленно вести споры о соотношении государственного и частного начал в экономическом развитии. Вновь нужно напомнить максимум – истина всегда конкретна.

В этой связи нельзя не вспомнить о давних (но не воспринятых) предупреждениях, которые прозвучали в одном

из программных документов Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) ещё в 1990 году. Реагируя на острую полемику представителей разных школ и направлений экономической и политической мысли на пороге 1990-х годов, ЭКЛАК призвала к преодолению ложных дилемм в противопоставлении индустрии и агрокультуры, рынка внутреннего – внешнему, государства – частному предпринимательству, плановость – рынку [42, р. 11].

Верифицированная статистическая регулярность указывает на **циклическую вероятность очередного мирового экономического кризиса** на исходе текущего десятилетия. И он, по всей видимости, будет носить экстраординарный характер, поскольку ни на глобальном, ни на региональном, ни на национальном уровне не извлечены должные уроки из предыдущего кризиса, не созданы новые механизмы регулирования. Ну что ж остается – business as usual?

Минувший кризис (2008–2009) явно превзошел масштабы ординарного циклического спада. Об этом много писалось, в том числе в исследованиях ИЛА РАН [11]. И в ходе самого кризиса и до него речь шла о колоссальных диспропорциях и перекосах, накопившихся в мировой экономике, в том числе об аномальном отрыве финансовой сферы от реальной экономики (см. рис. 3). Вспомним: немало было деклараций, причем на самом высоком государственном уровне, о необходимости радикальных мер ради преодоления роковых дисбалансов путем замены или по крайней мере капитального ремонта механизмов экономического регулирования на всех уровнях – от локального до глобального. Много слов и, откровенно говоря, мало реального дела. Постепенно, по мере ослабления остроты проблемы, на исходе критической фазы пафос реформаторов стал ослабевать, лидеры ключевых государств (слишком коротка их историческая память!) переключились на другие сюжеты, на другие

раздражители, в том числе на политические и военно-политические (слов нет, их хватало), не говоря уж об электоральных соображениях.

3. Латинская Америка в обстановке «новой нормальности»

В какой мере траектория движения ЛКА сегодня повторяет конфигурацию общей динамики МЭ, её ведущих протагонистов? В чем её особенности, свои риски и свои осложнения? Как видится адаптация стран региона к обстановке «новой нормальности», которую мы попытались охарактеризовать в предыдущем разделе?

Торможение общей динамики мировой экономики, сопровождаемое падением потребления и, соответственно, спроса на многие товары сырьевой и полусырьевой группы, поставляемые странами ЛКА, сказалось на них заметным сокращением прироста экспорта и ВВП (см. рис. 8). Это, с одной стороны, было **следствием ограничения рынка сбыта** в традиционных центрах мировой экономики и **ухудшением ценовой конъюнктуры**. Но, с другой стороны, дало непредвиденный результат то, что раньше воспринималось как достижение. Перефразировав известную поговорку, можно сказать: нет добра без худа. В свое время переориентация на рынки АТР, и прежде всего Китая, дала существенную прибавку экспорту многих стран региона и возможности аккумулировать позитивное сальдо торгового

Рис. 8
Динамика прироста (падения)
совокупного ВВП ЛКА в 1980-2015 г.
и прогноз на 2020 г.

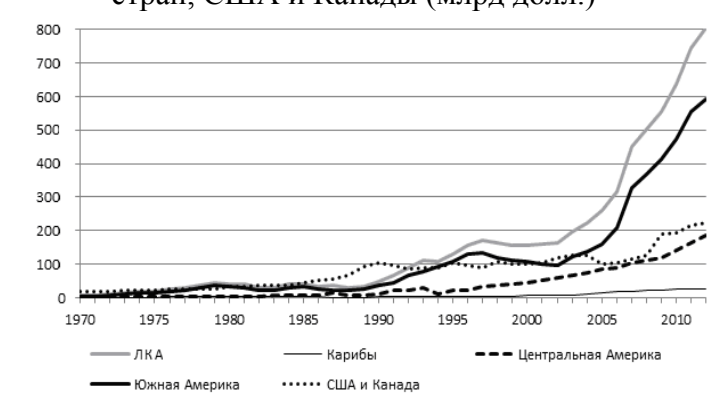

Приводится по: BID. *Tiempo de decisiones. America Latina y el Caribe ante sus desafios*, 2016. Washington, 2016, p. 2

баланса, поправив золотовалютные резервы, которые с 2000 года возросли практически в восемь раз (см. рис. 9).

Реакция экономики латиноамериканских стран на глобальный кризис 2008–2009 гг. оказалась неожиданной для осведомленных аналитиков, знатоков экономической истории и мирового хозяйства и самих латиноамериканских государств. Предыдущие циклические перепады оказывались, как правило, болезненнее и продолжительнее, чем в традиционных центрах МЭ. На этот же раз ситуация складывалась с точностью до наоборот. Традиционные центры прошли кризис с максимальными издержками, страны ЛКА – с минимальными, встав в один ряд с государствами, которые представляют нарождающиеся рынки других регионов.

Динамика золотовалютных резервов латиноамериканских стран, США и Канады (млрд долл.)

Приводится по: CEPAL. Horizontes 2030

В чем секрет ЛКА на этот раз? Если суммировать, не вдаваясь в подробности, то можно сказать, что, конечно, сказалось **накопление ресурсов, благодаря высокой внешней конъюнктуре предкризисного периода** на сырьевые, полусырьевые товары и на продукцию АПК. Это помогло избавиться от проклятия хронической внешней задолженности, сбалансировать госбюджеты и нейтрализовать риски инфляции. Но другая важная причина была заложена в изменении парадигмы экономической и социальной политики. Этому предшествовал отход от крайностей неолиберальной «моды»; из-за её завышенных социальных издержек чаши электоральных весов склонялись в пользу левоориентированных движений и лидеров. Но при этом политический поворот оказался многовариантным.

Леворадикальный вариант, ассоциировавшийся на первом этапе с эйфорией успеха, в большинстве случаев не принес устойчивых позитивных результатов. Лидеры этой тенденции оказались в плену политического противобор-

ства, поддались на соблазн быстрых административных решений с упором на этизацию. Увы, к этому склоняла и матрица целеполагания, заложенная в концепцию «социализма XXI века», которая на поверку оказалась перегружена представлениями социализма прошлого века. Лидеры леворадикальных режимов (и, как показывает опыт Бразилии, не только леворадикальных) нередко не выдерживали соблазна личного доступа к финансовым ресурсам государства и возможностями воздействовать на бизнес, поощряя собственную клиентуру.

Однако в ситуациях с преобладанием **социал-демократической тенденции с прагматическим уклоном** удалось воздержаться от крайностей, обеспечить финансовую дисциплину, сбалансированность госбюджета, предотвратить раскручивание инфляционной спирали. Здесь хозяйственный механизм смог избежать серьезных сбоев.

Странам ЛКА удалось воспользоваться своего рода **децентрализацией мирового хозяйства** (выходом на верхние ступени мировой иерархии новых протагонистов) и диверсифицировать географию своих внешних связей. В этом смысле глобализация оказала весьма позитивный эффект. Но диверсификация затронула и содержание экспорта. Таким странам, как Мексика, Чили, Бразилия, Колумбия и ряду других, благодаря стимулам, встроенным в экономическую политику, а также современным финансовым, логистическим и политическим механизмам поддержки экспорта, удалось серьезно обогатить его позициями с повышенной добавленной стоимостью. Наверное, важно и то, что госполитика и благоприятная конъюнктура предкризисной поры способствовали включению в трансграничные **цепочки создания стоимости**. Эта тенденция действительно прослеживается, однако может быть не в той же мере, что у новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии.

Левые прагматики (в отличие от неолибералов) стали рассматривать социальные расходы не столько как издержки и расходы, сколько в качестве инвестиций – продуктивных вложений в развитие и укрепление внутреннего рынка через повышение покупательной способности широких масс населения. Особенно результативной эта политика оказалась в Аргентине в период правления Нестора Киршнера и Кристины Фернандес, а также в Бразилии при президентстве Лулы да Силва и, частично, Дилмы Русефф. В период 2005–2012 гг. **госрасходы на социальные нужды в странах ЛКА увеличивались темпом, вдвое превосходящим темп прироста ВВП.** Таким образом, удельный вес этих расходов поднялся с 14 до 19% [25, p.13].

Так или иначе, в годы левой волны (в принципиально-политическом либо прагматическом настрое) латиноамериканским странам удалось совершить беспрецедентный исторический прорыв. **Зона бедности в целом по региону уменьшилась с 44% в середине 1990-х гг., до 28% на уровне 2014 года.** Десятки миллионов человек получили доступ к современным стандартам потребления (фактически – 50 млн). Менее чувствительно, но все же заметно в первую декаду нового века стала уменьшаться поляризация в распределении доходов (см. табл. 2).

В ряде стран, захваченных левой волной, были опробованы обширные социальные программы, внесшие вклад в отступление зоны бедности. Другой вопрос – эффективность этих программ. Одно дело, когда они сопрягались с расширением доступа к образованию и здравоохранению. Другое – при субсидиарно-благотворительном подходе, когда, проще говоря, речь идет о том, чтобы подкормить массы неимущих из популистских соображений. В этом случае

Таблица 2

Изменение коэффициента Джини в РФ и ряде
латиноамериканских стран

Страна	конец 1980-х	2000	2005	2010	2013
РФ	0,238	0,371	0,414	0,409	0,415
Аргентина	0,453	0,511	0,493	0,445	0,423
Боливия	0,531	0,552	0,518	0,496*	0,481
Бразилия	0,614	0,590**	0,566	0,539	0,529
Мексика	0,543	0,518	0,511	0,481	0,481 (2012)
Эквадор	0,505	0,564	0,541	0,492	0,473
Уругвай	0,453	0,444	0,459	0,453	0,419

* - 2009; ** - 1999.

Составлено по: World Bank. World Development Indicators (07/22/2016).

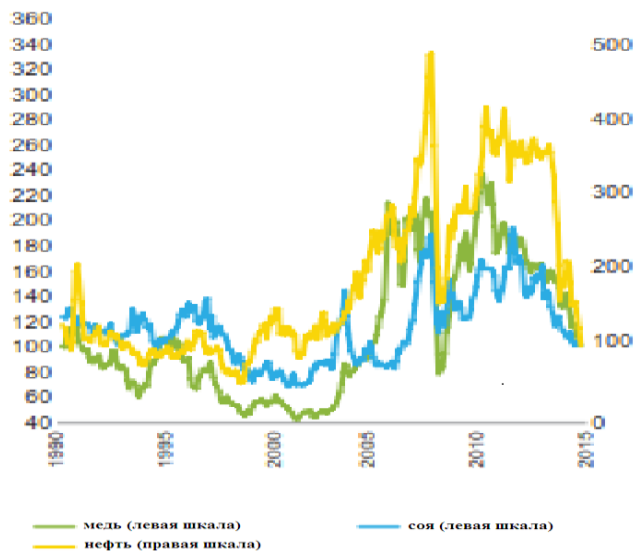
невольно вспоминается дилемма рыбы и удочки. Что имеет больший смысл: кратковременная сытость или рациональная поддержка обретения трудовых навыков и конструктивных предпринимательских инициатив? Для нас ответ очевиден.

Понятно также, что от тех средств, которые в последнее время были направлены на социальную поддержку странами ЛКА, можно было бы получить больший эффект. А это значит, что **в условиях ухудшившейся конъюнктуры нужно гораздо более рачительно подходить к ресурсам, выделяемым на социальные цели.**

Темпы экономического роста пошли на убыль в целом по региону. В последние годы общерегиональный показатель опустился даже ниже черты среднемирового темпа прироста ВВП [24, р. 65]. Судя по всему, **в странах ЛКА,**

Рис. 10

Долговременная динамика цен ряда базовых сырьевых товаров (январь 2016 = 100)

Приводится по: ВД. Тетро... 2016, р. 18.

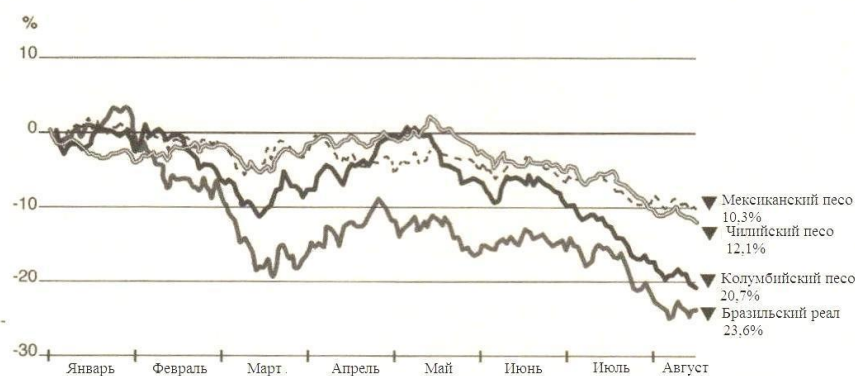
во-первых, оказалась недостаточной «подушка безопасности», созданная в годы «тучных коров», а во-вторых, оказалась недостаточной диверсификация экономики, экспорта и, в конечном счете, участия в международном разделении труда.

Распределение стран региона по темпам прироста ВВП в последние два года (2015–2016) при очевидном их общем сокращении характеризуется существенными различиями. По результатам прошлого года 10 стран имеют показатели выше 3%, т. е. выше среднемирового уровня, у пяти стран он располагается в интервале 2-3%, ниже 2% – у трех стран. В отрицательной зоне находятся показатели Бразилии и Венесуэлы (без учета малых карибских государств [24, р. 65]. Среди отстающих фигурируют в основном экспортеры сы-

рьевой продукции, включая нефтеэкспортеров (см. рис. 10). Среди передовиков, напротив, значатся в основном неттоимпортеры углеводородного сырья и те, кто сориентирован на начавший подниматься американский рынок.

Пытаясь выправить неблагоприятную посткризисную конъюнктуру, многие страны ЛКА прибегли к **маневрированию обменным валютным курсом** (см. рис. 11). Это способствовало повышению конкурентоспособности экспорта. Однако в целом эффект оказался кратковременным и малодейственным.

Рис. 11
Обменный курс латиноамериканских валют к доллару США, 2016 г.

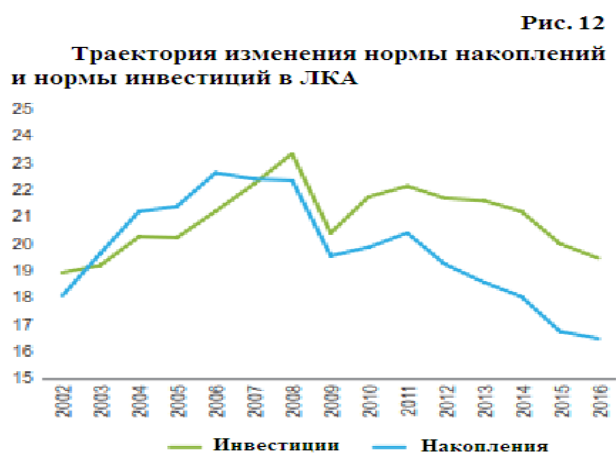

Приводится по: Rueda-Yunque, Fernando. *Inserción comercial de América Latina: balance y perspectiva.*/Economía exterior. Madrid, 2016, №77, p.20

Так же, как в традиционных центрах мировой экономики, вопрос о преодолении депрессивных тенденций (рецессии) и нейтрализации эффекта торможения экономической динамики самым непосредственным образом завязан на состояние механизма накопления и практику капитальных

вложений. Прямо скажем, большинство латиноамериканских стран далеко отстает от нормативов, гарантирующих высокую деловую активность, восходящий тренд экономического роста и технологическое обновление.

В среднем по региону норма **инвестиций в машины, оборудование и производственные сооружения** ниже 20% ВВП, что считается минимально приемлемым уровнем для выхода на позитивный тренд экономической динамики (см. рис. 12). Совершенно очевидно, что без прогресса в сфере налогообложения и борьбы с уклонениями от налогов в верхней части социальной пирамиды, без ограничения утечки капитала за рубеж, без подавления коррупции и криминала (этих близнецов), без серьезных стимулов технологического обновления, без создания надежной инфраструктуры НИР и расширения инновационной практики, дело далеко не пойдет.

Приводится по: BID. *Tiempo de decisiones. America Latina y el Caribe ante sus desafios*, 2016. Washington, 2016, p. 9

Как указывалось, (в разделе МЭ), **инновационный процесс** не ограничивается новыми отраслями, **захватывая**

традиционные, что имеет особое значение для региона, где горнодобывающая промышленность и аграрное производство – основа большинства хозяйственных систем. У нас нет оснований говорить, что в ЛКА много примеров выхода на отрасли передовых рубежей и формирования завершенных инновационных комплексов. Но всё же достаточно широкое распространение получила «зеленая энергетика», в частности, использование солнечных батарей (фотовольтаика), биотехнология нашла широкое применение в получении этанола из биомассы. Преимущество, заложенное в исключительном биоразнообразии, начинает активно реализовываться в фармакологии. Этому благоприятствует существенное продвижение в генетике и биомедицинской науке.

Верным симптомом прогресса в инновационном преобразовании экономики служат **изменения в секторе услуг**. Стала уменьшаться доля персональных, культурных и рекреативных услуг. Одновременно повышается доля так называемых **креативных услуг**. К ним относят: консалтинг и другие бизнес-услуги, услуги в области архитектуры и дизайна, проектно-строительные, инжиниринг и техническое обслуживание, научные исследования и прикладные разработки. В ведущих странах ЛКА этот сектор растет сейчас опережающим темпом и по общему производству, и по экспорту.

Согласно данным, почерпнутым в статистической базе ЮНКТАД, в Бразилии среднегодовой темп роста объема производства креативных услуг колеблется в пределах 22-35%, в Аргентине он примерно такой же – 27-35%. Эти показатели превышают темпы прироста, наблюдаемые в развитых странах (в США – 11-26%, Германии – 8-15%, Англии – 4-6%). Конечно, в случае ЛКА речь идет о еще незаполненном рынке, где имеется много свободных ниш, и о скромных стартовых позициях. О значительных объемах экспорта креативных услуг, сопоставимых с показателями

лидеров мирового бизнеса пока еще можно говорить лишь применительно к Бразилии, где он достиг 9 млрд долларов. Но изменения по абсолютным размерам впечатляют. За 2002–2012 гг. в области консалтинга экспорт из Аргентины вырос с 43 до 622 млн долл., из Бразилии с 101 до 701 млн долларов. В категории архитектурно-строительных и инженерно-технических услуг в первом случае рост с 53 до 453 млн, во втором – с 1,5 до 8,9 млрд долларов. Услуги НИР в первом случае показали прирост с 53 до 452 млн. в Аргентине и с 55 до 474 млн в Бразилии [45].

Но, разумеется, до сих пор доминирующим сектором экономики в большинстве латиноамериканских стран остаются отрасли, связанные с добычей и переработкой природного сырья, что, как подчеркивалось, не исключает модернизации производства и присутствия на мировом рынке. Просто речь идет об ином типе модернизации. Проводя различия между разными ее типами в зоне «нарождающихся рынков», автор в свое время выделил две модели: **модернизацию перерабатывающую и модернизацию перепрыгивающую**. Первая ассоциируется с перестройкой на новый лад традиционных отраслей, насыщая их новыми стандартами качества, передовыми технологиями, современными методами управления, информационной техникой, максимизируя вклад добавленной стоимости за счет увеличения глубины переработки исходного сырья. Перепрыгивающая ассоциируется с опытом новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии, где происходил скачкообразный переход от архаичного земледелия и торгового предпринимательства к производству современной электроники и к интенсивному встраиванию в трансграничные производственные цепочки. Правда, вторая модель нашла частичное воплощение в практике «макиладорас» – выполняющих частичные функции на субподряде у зарубежных корпораций в северной приграничной зоне Мексики.

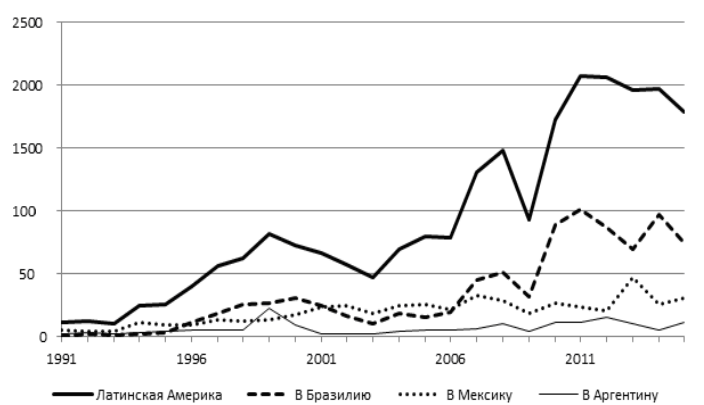
Латиноамериканский опыт модернизации все же связан преимущественно с первой моделью. И практика показывает, что на этом пути возможны свои «прорывы». В этой связи уместно сослаться на результаты модернизации в сфере сельского хозяйства и в целом в агропромышленном комплексе. На настоящее время агропроизводители и агроэкспортеры из Аргентины, Бразилии, Уругвая уверенно наращивают свои позиции на мировом рынке продовольствия, вытесняя по ряду позиций традиционных поставщиков из стран с развитой экономикой. И речь идет не о «колониальных товарах», а о продукции традиционной для умеренного пояса.

Другой аспект проблемы связан с **поступлением капитала из зарубежных источников**. В международном движении капитала в последний год чувствуется определенное оживление. Что касается прямых иностранных инвестиций (ПИИ), то за 2015 г. их общемировой объем увеличился на 36%, превысив наконец-то уровень предкризисного 2007 года (см. рис. 13).

Казалось бы, это – симптом оживления и предвестник предстоящего подъема. Однако большая часть средств направлена в зону экономически развитых стран (прежде всего в США). С другой стороны, финансовые ресурсы вовлечены главным образом в трансграничные операции по слиянию компаний и приобретению пакетов акций. Такие операции охватывали в 2015 г. 31% всего объема ПИИ. Между тем в ЛКА объем ПИИ в 2015 г. уменьшился на 9,1% (в Африке сокращение составило 31%, в развивающихся странах Азии отмечено увеличение на 15%). По отдельным странам приток ПИИ коррелировал с различиями в экономической и политической конъюнктуре. В Бразилии в

Рис. 13

Динамика ПИИ в Латинскую Америку (млрд долл.)

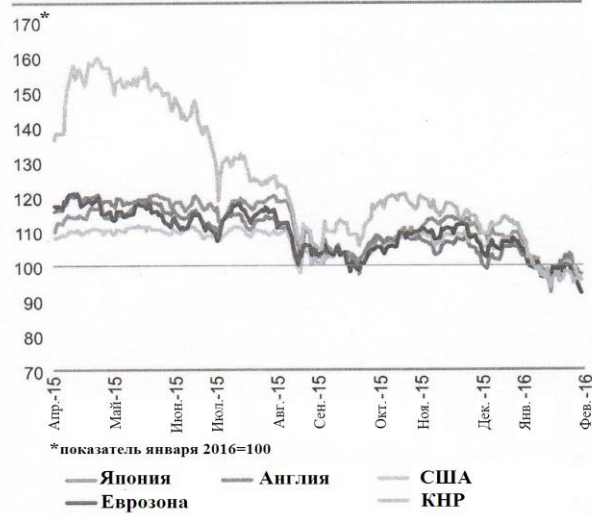

Приводится по: CEPAL. Horizontes 2030...

2015 г. произошло падение на 23%, но абсолютная величина ПИИ все ещё оставалась значительной – 75 млрд долларов. В Аргентине же, отреагировав на смену правительства, они существенно возросли (на 130%, достигнув 11,7 млрд). Прирост в Мексике оказался скромнее – на 18%, до 38 млрд. Тем временем приток ПИИ в страны тихоокеанского побережья, ориентирующихся преимущественно на экспорт сырья, уменьшился. В Чили – на 8%, в Перу на 13%, в Колумбию на 26% (46, р. 49, 82). Таким образом, дело не только в политике, но и в изменении конкурентоспособности национальной экономики, её профилирующих отраслей (см. рис. 14).

Пропорции отраслевого распределения ПИИ с выделением доминирующих отраслей заметно изменились. Происходит увеличение доли сферы услуг и уменьшение доли сырьевых отраслей при примерном сохранении прежнего веса обрабатывающей промышленности.

Падение конъюнктуры на мировых рынках биржевых товаров

Приводится по: биржевые индексы MSCI по Блумбергу.

В целом по региону вложения капитала в добычу и переработку минерального сырья опустились с 74 до 13% суммарных поступлений. Причина понятна – изменение ценовой конъюнктуры.

Страны ЛКА, казалось бы, первенствовали в осуществлении **интеграционных процессов**, по крайней мере, среди развивающихся стран. Эксперименты по созданию региональных и субрегиональных группировок начались ещё в 1960-е годы. Все это время они испытывали сильное воздействие демонстрационного эффекта евроинтеграции и двигались в её русле, пытаясь повторить пройденное. Но максимум, который удалось достичь – незавершенный таможенный союз (Меркосур, ЦАИС). Во всех случаях оставалась невысокой доля внутрizonального товарооборота в

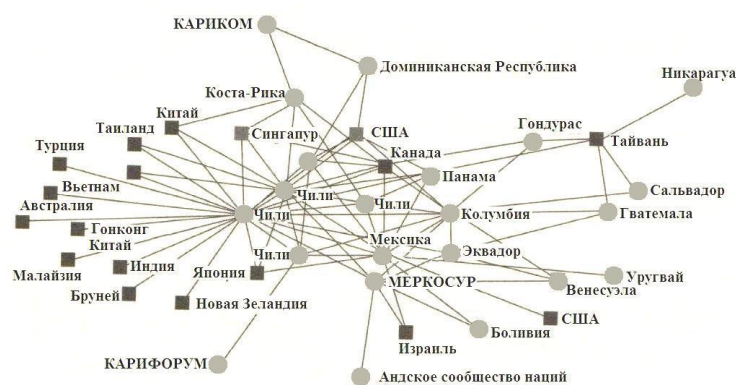
суммарной внешней торговле стран-участниц (предел – 25%). Сказалась, в частности, недостаточная взаимодополняемость и слабость так называемой физической интеграции (сочлененности и разветвленности национальной и трансграничной инфраструктуры).

Немало критики обращено ныне на **прежние схемы экономической интеграции**, которые были, по сути, трансграничным продолжением политики импортзамещающей индустриализации. Их стали корить за инертность, приверженность административным мерам и решениям, за излишнюю закрытость по отношению к третьим странам. Последние 10-15 лет идейно-теоретический дискурс характеризовался горячими спорами вокруг концепций закрытого и открытого регионализма. Практика стран Юго-Восточной Азии, предполагавшая более гибкие схемы интеграции – на разных скоростях и с возможностями выстраивания преференциальных отношений с третьими странами – давала более быструю «отдачу».

Новые веяния с учетом формирования трансграничных цепочек стоимости и практики аутсорсинга, а также аргументацией в пользу ориентации на глобализационные процессы, прямо либо косвенно сказались на **разделении интеграционных процессов на несколько потоков**. Первый – инерционный путь в русле традиционных представлений. Второй – по прототипу интеграционных группировок Юго-Восточной Азии, что проявилось в создании Тихоокеанского альянса (в составе Мексики, Колумбии, Чили и Перу с возможностью скорого подключения Коста-Рики).

Третий вариант – политически мотивированное интеграционное сотрудничество, опиравшееся на нефтяные ресурсы Венесуэлы в условиях высокой ценовой конъюнктуры. Он представлен АЛБА – Боливарианской альтернативой для народов Америки. Ось Гавана-Каракас стала цементирую-

Сеть договоров о свободной торговле, заключенных латиноамериканскими странами по состоянию на июнь 2016 г.

Приводится по: Sanchez Diez, Angeles. El comercio regional en América Latina./Economía Exterior. Madrid, 2016, №77, p. 39

щей основой этого объединения (в нём соединились политический авторитет и кадровый потенциал Гаваны и ресурсы Каракаса). Четвертая проекция – заключение договоров о свободной торговле с нелатиноамериканскими (внерегиональными) партнерами, будь то отдельные страны или группировки. Рекордсменами такой практики стали Чили, Мексика и Перу, которые таким образом заручились доступом на многие динамично растущие внерегиональные рынки (см. схему рис. 15).

В отличие от большинства азиатских и африканских государств, страны ЛКА уже сменили, либо находятся в процессе смены **модели демографического воспроизводства**. На прежней платформе остаются экономически и социально наиболее отсталые страны, которые в общей численности населения региона не превышают 15%. Страны, социумы которых сформировались в основном путем сво-

бодного переселенчества (Аргентина, Уругвай, Юг Бразилии, частично Чили, частично Коста-Рика) примерно в третьей четверти прошлого века уже перешли на квазиевропейский стандарт. Социумы, происхождение которых определялось главным образом гибридизацией (в этническом и социально-экономическом смысле), остаются в переходной ситуации. Модернизация дает свои плоды, и размер «бонуса» уменьшается в Мексике, Колумбии, Перу, Эквадоре и Венесуэле. С другой стороны, иждивенческая нагрузка «третьим возрастом» здесь пока остается небольшой.

Демографические сдвиги, разумеется, имеют множественные последствия, накладывая свой отпечаток на систему потребностей, на жизненные стандарты различных групп населения. И здесь нужно говорить не только о материальных, но и о духовных потребностях. Очевидна идущая от них детерминация развития системы образования, здравоохранения.

Наиболее сильное воздействие на общую ситуацию в регионе оказывает рекордно ускоренная **урбанизация**. Считается, что к 2030 г. 80% землян будут жить в городах. При существующих тенденциях в ЛКА к этому сроку доля городского населения достигнет до 90% (28, р. 32). Итак, на фоне других нарождающихся (восходящих) рынков из числа развивающихся стран ЛКА предстоит осложнение задач социального развития, что означает появление дополнительного «взрывчатого материала».

Мировая экономика в пространственном смысле детерминируется (организуется) **сетью** так называемых **глобальных городов**, которые являются ядрами и «нервными узлами» этой системы. Большинство исследователей относят к категории глобальных городов около 50 мегаполисов. В элиту глобальных городов входят немногие: Лондон, Нью-Йорк, Токио и Париж. Чуть слабее позиции таких центров, как Чикаго, Лос-Анджелес, Милан, Франкфурт-на-Майне,

Сингапур. Далее идет категория главных городов, в число которых входит Москва, занимающая 16-ое место в общем списке. В настоящее время в нее должны входить также Шанхай и Пекин. 2/3 глобальных городов приходилось на экономически развитые страны (традиционные центры). В так называемую бета-группу входят Мехико и Сан-Паулу. В гамма-группу – Каракас, Сантьяго-де-Чиле, Буэнос-Айрес. В ЛКА находятся 62 из 468 агломераций с населением свыше 1 млн жителей. Урбанизация сопровождается ростом средних слоев.

Если руководствоваться критериями, принятыми экспертами Всемирного банка (10-50 долл.), то за первую декаду XXI века **масса средних слоев** возросла со 100 до 150 млн человек, обеспечив прирост на 50%. Применительно к ЛКА исследование специалистов Всемирного банка констатирует, что на исходе первого десятилетия XXI в. в общерегиональном зачете первая категория (0-4 долл.) охватывала 30,5% населения, вторая категория (4-10 долл.) – 37,5% – пограничная группа (уязвимые). Следующее выделение (10-50 долл.), охватывающее порядка 30%, по результатам обследования ВБ относится к среднему классу. Разумеется, ситуация по странам заметно различается (41, р. 2). Есть и другие оценки. Удельный вес средних слоев в общей численности населения в ЛКА составлял лишь 17% в 1990-е годы и к настоящему времени дошел до 35% [25, р. 13].

Средний класс, который, как предполагается, увеличится со 160 примерно до 250 млн в 2020 г. [27, р. 21], создает основу для модернизации внутренних рынков. Вместе с тем, данный сегмент социума перестает играть роль амортизатора общественных противоречий и экономических трудностей и в определенных ситуациях начинает играть прямо противоположную роль.

В прежние времена получение высшего образования было гарантией достатка и приличного статуса. Теперь подоб-

ный автоматизм отсутствует. Превращение выпускников вузов в массовую категорию и переполнение рынка занятости на средних и верхних этажах ведут к понижению уровня жизни и социального статуса. Университетский диплом подвергается инфляции и уже не служит залогом имущественного благополучия.

Проблема неравенства все больше рассматривается в традиционном ключе – с точки зрения социального расслоения, роста дистанции в потреблении материальных и нематериальных благ различными группами населения. Небезызвестный **Френсис Фукуяма**, собравший в одном исследовательском проекте авторитетных североамериканских и латиноамериканских экспертов для ответа на вопрос – чем определяется отставание стран ЛКА от США и Канады, – в конечном счете, пришел вместе со своими коллегами к банальному выводу. Главные препятствия на пути экономического прогресса, по его словам, – **неблагоприятная институциональная среда и крайнее неравенство в распределении доходов**. Симптоматичный итог для мыслителя, лишь недавно причислявшего себя к неоконсерваторам [18].

На мой взгляд, сегодня к этому следует присовокупить другое обстоятельство, которое во многом обусловлено вышеуказанным. С великим сожалением приходится констатировать, что ЛКА становится регионом со всё более опасной **криминальной обстановкой**. С точки зрения международной военно-политической безопасности, дела здесь обстоят достаточно благополучно. Но криминальная обстановка с лихвой перекрывает первое обстоятельство.

В сентябре 2014 г. на совещании руководителей полицейских ведомств стран Центральной Америки, Мексики, Карибов и Колумбии была принята совместная декларация, в которой участники форума выразили «серьезную озабоченность планетарными по своим масштабам производством кокаина в Южной Америке и героина в Афганистане,

что превратилось в крайне негативный системообразующий фактор ситуации в обоих полушариях, который способствует формированию транснациональной организованной преступности, угрожает безопасности населения и приводит к подрыву экономической ситуации как в мировом масштабе, так и в нашем регионе» [29].

Опираясь на разработки отечественных и зарубежных аналитиков, В. П. Иванов заявил следующее: «Особое беспокойство вызывает тот факт, что в последние годы в Центральной Америке картелизация переходит на качественно новый уровень: от картелей семейного типа к синдикатам-индустриям, гибким адаптивным структурам, имеющим свою контрразведку и разведку, силы быстрого реагирования, парамилитарные отряды и пенитенциарную систему, транспортно-логистические и иные службы, что уже с полным основанием позволяет их квалифицировать в качестве квазигосударственных образований, своего рода государства в государстве, при этом их финансовые и организационные возможности зачастую превышают возможности национальных государств» (Выступление на вышеуказанном совещании, 29, с. 2). В подтверждение затронутых проблем можно привести много примеров. Но ограничусь одним. Предыдущий президент Гватемалы Отто Перес Молина, смещенный в результате импичмента, оказался «по совместительству» одним из крестных отцов местной мафии.

Страны ЛКА, как правило, не находятся в самой критической **экологической ситуации**. У них есть в этом смысле значительная природная «подушка безопасности». Кроме того, с началом нового века, прежде всего в «тучные годы», в странах ЛКА не без воздействия общего повышения экологической культуры в современном мире, стали осуществлять политику, направленную на своего рода экологический протекционизм, включая существенное расширение заре-

зервированных территорий. Показателен в этом смысле пример Эквадора и Коста-Рики. В Бразилии замедлились темпы обезлесывания, несущего главную угрозу амазонской сельве. Парижское соглашение, налагая на латиноамериканские страны новые ограничения, вместе с тем закрепляет за ними и немалые преференции.

В какой мере сегодняшние возможности ЛКА адекватны общим приоритетам развития, сформулированным в ООН применительно к требованиям устойчивого развития в 2030 году?

Эксперты ЭКЛАК в последнем годовом докладе рассуждают по этому вопросу следующим образом. Для реализации приоритетов повестки 2030 г. «необходима новая стилистика развития: прогрессирующая структурная перестройка, в центре которой будут стоять достижения равенства и сохранность среды, базирующиеся на социальных коалициях и пактах относительно характера управления на мировом и национальном уровне». Уже в этой обобщенной формуле видно, что структурная перестройка мыслится комплексно на основных уровнях хозяйственной практики. Эксперты ЭКЛАК не наивные мечтатели. Они прекрасно понимают ограничения предложенной формулы. А потому подчеркивают, что осуществимость таких перемен в моделях развития требует долгосрочного видения и нового соотношения социальных и политических сил. Отсюда следует вывод: «развитие это - по сути, проблема политическая» [34, р. 14). А раз политическая, значит, во многом и институциональная. Соглашаясь с такой постановкой вопроса, я бы всё же добавил одно уточнение. В широком смысле речь идет о новой философии и новой культуре развития. И тут по логике мы возвращаемся к роли и качеству государства, к тому, что в нынешнем виде оно вряд ли в состоянии на практике осуществить эту философию и эту культуру.

Разумеется, для амбициозных идей необходимы средства имплементации, включая финансирование, передовую технологию, сбалансированную торговлю и передовую институциональную архитектуру, соответствующую условиям XXI века. Как всегда, на историческом пути успех или провал трансформации определится в ходе пересмотра схемы распределения управленческих компетенций между государством, рынком и гражданским обществом. Но следует вновь подчеркнуть – истина конкретна. Если речь о государстве, то об эффективном и справедливом, если о рынке, то о цивилизованном, если о гражданском обществе, то о зрелом. Напомним также: мир наступает на одни и те же грабли, когда проталкиваются стандартные модели, когда безоглядно экспортируется «демократия».

На мировом уровне новая культура развития предполагает наличие **глобальных публичных благ** – таких, как стабильность роста в интересах полной занятости и защиты окружающей среды. Чтобы это стало былью, эксперты ЭКЛАК полагают необходимым запуск четырёх механизмов управления и подведение под них в качестве основы соответствующих политических коалиций.

1. Международной координации национальных экономик, благоприятствующей устойчивому наращиванию инвестиций, сориентированных на приоритет низкоуглеродных проектов, проектов с повышенной энергетической эффективностью и ориентирами продуктивной занятости.

2. Новой международной финансовой архитектуры, которая ограничит волатильность реальной экономики и ценообразования на мировом рынке, будет регулировать воздействие трансграничных потоков капитала, более адекватно представит нарождающиеся рынки в системе глобального регулирования и продвинется в реформировании международной валютной системы.

3. Управления торговлей и технологией на многосторонней основе, позволяющего расширять доступ к технологии и к финансированию с целью примирения роста и экологического эффекта, предполагая также ликвидацию асимметрий между странами и регионами.

4. Совместного управления компонентами оцифрованной экономики и новой региональной технологической парадигмы с перспективой создания единого оцифрованного пространства (рынка) в Латинской Америке и Карибах.

Скептику финальные аккорды, излагающие позиции авторов 17 приоритетов и их комментаторов из ЭКЛАК вполне могут показаться очередной утопией – слишком далеко пока отстоящей от брэнной действительности. С этим можно было бы согласиться, если бы не тот факт, что **17 приоритетов отражают консенсус на уровне международного сообщества.**

4. Заключительные тезисы

Мы говорим о Латинской и Карибской Америке в совокупности. Основанием служит уникальное родство по лингвистическим и конфессиональным признакам, по иберийскому компоненту национальной идентичности большинства стран региона, по общности исторических судеб. У региона практически нет аналога в современном мире. Может быть, за исключением арабского мира, хотя там речь идет об автохтонных обществах в отличие от привнесенной и гибридизированной культуре в ЛКА. К тому же, арабский мир практически вдвое меньше по населению и занимаемому пространству. Вместе с тем внутрорегиональные различия в ЛКА достаточно велики. Порой они превосходят дистанцию, отделяющую верхний эшелон ЛКА от группы разви-

тых государств Запада. Именно это имеет в виду автор, акцентируя внимание на единстве в многообразии.

Думаю, можно с уверенностью сказать, что **региональная проблематика в нынешних условиях во многом (но отнюдь не во всем) повторяет глобальную проблематику**. Иными словами, степень корреляции между ними достаточно высока. В свою очередь, на региональном уровне различия связаны со степенью остроты тех или иных проблем. Находясь на среднем этаже мировой иерархии (8% с небольшим доля по ВВП по ППС и 8% с небольшим квота в населении планеты, ~10% доля в суммарной численности среднего класса и т.п.), ЛКА в гораздо большей мере обременена социальными императивами. Несмотря на «прорывные» результаты первого десятилетия нового века в преодолении порока бедности и некоторое ослабление поляризации в распределении доходов, страны региона в своем большинстве, увы, остаются лидерами в имущественной поляризации на обозримую перспективу. И это, несомненно, будет «давить» на электоральные настроения.

Экономики стран ЛКА в полной мере испытывают **детерминирующее внешнее воздействие**. Сырьевой крен в специализации экономики при нынешней ценовой конъюнктуре создает своего рода «кандалы». Но так есть и будет при инмобилизме в состоянии добывающих отраслей. Поэтому во многих странах региона теперь рефреном звучит призыв к энергичной **индустриализации первичного сектора**, к созданию на его основе вертикали перерабатывающих производств. Ну, а нынешняя ценовая конъюнктура на рынке сырьевой продукции не может быть константой при поступательной диверсификации промышленного производства, как в центрах, так и на периферии мировой экономики. В большинстве случаев объективным условиям региона соответствует модель **перерабатывающей модернизации**, в которую могут быть включены общие императивы,

обозначенные 17 приоритетами устойчивого развития. В РФ, в силу наличия схожих условий в отраслевой структуре и инертного характера российской экономики, во многом просматриваются сходные черты будущего. Но, взгляды в перспективу, наиболее адекватным, на наш взгляд, все же станет сочетание двух моделей.

Политика преодоления заторможенной динамики сегодня ассоциируется с дальнейшим продвижением по пути диверсификации экономики и экспорта, селективного привлечения иностранного капитала, способного к эффективному переносу передовой технологии, которая будет выращивать свои кластеры, благоприятствуя повышению конкурентоспособности национальных экономик. При этом предстоит задействовать резервы региональной и субрегиональной интеграции, отходя от избыточно закрытых схем, продолжать опыт заключения ЗСТ на индивидуальной основе (с отдельными странами, либо торгово-экономическими группировками).

В технологическом отношении ЛКА сохраняет **фазовое отставание** от традиционных центров. Но и здесь в передовой группе региона есть свои прорывные достижения, которые обусловлены преодолением отчуждения сферы НИР от реальной экономики и переходом на инновационную практику. Банально напоминать о необходимости дальнейшего развития собственной сферы НИР, о модернизации системы образования. Но для стран региона (в особенности для категории наименее развитых из них) часто нужно начинать с повышения качества начальной и средней школы. Стоит лишь подчеркнуть, что часто важнее не форма, а содержание – процесс обучения должен быть очищен от архаичных представлений и наполнен сведениями и методами, проверенными современной наукой и практикой.

В странах ЛКА достигнут серьезный прогресс в развитии институциональной базы общества, закреплены инсти-

туты и процедуры демократии. Они ещё далеки от совершенства, но механизм действует. Хуже обстоят дела с ядром институциональной среды – **государством**. Без его конструктивной модернизации немыслима реализация высоких целей, намеченных 17 приоритетами. Другое дело комбинация, в которой только и возможно серьезное продвижение вперед. Авторы последнего документа ЭКЛАК в качестве обязательного условия осуществления намеченного выставляют комбинацию государства, рынка и гражданского общества – формулу, которая, как они признают, **завязана на политические решения и политические действия**.

Новое структурирование МЭ и мирового рынка по линии мегапартнерств может создать качественно новую ситуацию, закрепляющую американскую гегемонию и позиции «коллективного Запада» в целом. Однако эти сдвиги не купируют абсолютно и не могут купировать альтернативные проекты. И они вырисовываются в зоне влияния Китая, в зоне лидерства России и других членов БРИКС. В принципе «пятерка» может реализовать проект «союза союзов» (обсуждавшийся на последних академических форумах «пятерки»), опираясь на региональные конструкции, сложившиеся вокруг каждого члена этого формата.

Надо отдать им должное, мегапартнерства – удачное изобретение традиционного гегемона. Но и это не относится к категории «конца истории». Схемы эти гибкие, не закрытые. В них можно найти уязвимые места, воспользоваться косвенно существующими нишами в их зоне. Важно, чтобы на глобальном и региональном уровне был найден свой баланс в лице новых структур вне зоны «коллективного Запада».

Сегодня изменения конъюнктуры и ориентиров экономического и политического свойства в ЛКА сопровождаются попытками возрождения дискуссий, казалось бы, давно

почивших в бозе. **Дискуссии между «оптимистами» и «пессимистами».** На подиум вышло молодое поколение – неодесаррольисты, неошумпетерианцы и неокенсианцы. Оптимисты (латинооптимисты) считают, что в регионе достигнут значительный прогресс, которому благоприятствовали тектонические сдвиги в мировой подоснове. Но высокая конъюнктура сменилась низкой. Общая динамика развития заторможена. Не ясно, как пойдут дальнейшие дела. Тогда-то на передний край и стали выходить латинопессимисты.

Обращает на себя внимание парадоксальное **сходство логики двух точек зрения.** Первая – то, что латиноамериканцам твердили в 1960-е и 1970-е годы. Что зависимость и отсталость (отсталость и зависимость) – врожденные пороки экономики и общества стран региона. Что они создают порочный круг, который блокирует развитие. Что его преодоление обусловлено революционным сломом прежнего порядка. После чего якобы (через революционно-демократическую фазу) открывается путь к социалистическим преобразованиям. Таким образом, оптимисты в определенном смысле оборачивались пессимистами применительно к возможностям эволюционного порядка (реформисты). Пессимисты (в определенном смысле – конформисты), не веря в собственные потенции модернизации и «догоняющего развития» стран ЛКА (в этой точке совпадая с оптимистами), в конечном счете, склонялись к «энтрегизму» – сдаче на милость гегемона – предположительно экономического победителя. Все это, конечно, подавалось под соусом призывов к прагматизму и реализму.

Между тем, эволюция региона формировала иную картину. При всей периферийности, отсталости и зависимости то на одном, то на другом направлении ощущались прорывы и серьезные продвижения по пути преодоления «роковой отсталости». Повысилась степень социальной зрелости ла-

тиноамериканских обществ в целом и в ипостаси гражданских обществ. Латиноамериканская действительность демонстрирует не только негативный, но и позитивный опыт решения проблем современного развития. Поэтому у нас нет никаких оснований смотреть на ЛКА и ее будущее «свысока».

Латиноамериканская проблематика так или иначе перекликается с российской. У нас, естественно, разные исходные позиции. Но последние три десятилетия исторически мы, по существу, шли вслед за латиноамериканскими странами, раньше нас вступившими в полосу вульгарного неолиберализма. **В России 1990-х годов принимались за образец неолиберальные реформы, проводившиеся в ряде стран ЛКА.** Вспомним визит вице-премьера Б. Немцова в Чили в 1997 году, который рассчитывал на встречу и обмен мнениями с Аугусто Пиночетом, но тот не снизошел до такой встречи. Затем, буквально в канун нашего дефолта в 1998 году, последовал визит в Москву отца аргентинской неолиберальной модели. Печальный конец реформ Кавало в Аргентине в 2001–2002 гг., как известно, расставил все точки над *i* в этом вопросе.

Сырьевая зависимость – врожденная черта многих латиноамериканских экономик, но её степень далеко не всегда может соперничать с российским аналогом, за исключением, пожалуй, Венесуэлы. Вместе с тем, в регионе есть немало позитивных примеров отхода от сырьевого заклатья. Их подают, например, Мексика и Чили, существенно диверсифицировавшие производство и экспорт. Позитивный опыт наращивания агробизнеса и агроэкспорта демонстрируют на инновационной основе Бразилия и Аргентина. В обоих случаях в центре модернизации агробизнеса стояли мощные государственные исследовательские институты. В разряд прорывных достижений, полученных в русле инновационной практики, следует отнести восхождение на третью сту-

пень мирового самолетостроения бразильской компании «Эмбраер». В свою очередь, госкорпорация «ЛАН Чиле» вошла в десятку лучших авиакомпаний мира. Компания «Америка мовил», принадлежащая мексиканцу Карлосу Слимму, богатейшему предпринимателю планеты, находится среди крупнейших операторов мобильной телефонии на американском континенте. Бразильские корпорации «Вале» (металлургия), «Одебрехт» и «Камарго Кореа» (строительный инжиниринг) числятся среди ведущих ТНК своего профиля. Кубинские производители лекарственных средств и экспортеры лечебных услуг по самым тяжелым заболеваниям всё более весомо вступают на мировой рынок.

Все это означает, что в латиноамериканском регионе сложились предпосылки для появления зрелых партнеров не только на торговом поприще, но и на ниве производственной кооперации, для совместной реализации крупных инфраструктурных проектов, подключения к перспективным инновационным программам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Цели тысячелетия (8 приоритетов)

Ликвидация крайней нищеты и голода
Обеспечение всеобщего начального образования
Поддержка гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин
Сокращение детской смертности
Улучшение охраны материнства
Борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и другими заболеваниями
Обеспечение экологической устойчивости
Формирование глобального партнерства в целях развития

См. Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2015, 72 р.

**17 целей устойчивого развития на перспективу
до 2030 года**

1. Искоренить бедность во всех ее формах и во всем мире	10. Сократить неравенство в странах и между ними
2. Положить конец голоду, обеспечить продовольственную безопасность, улучшение питания и распространение устойчивого сельского хозяйства	11. Добиться того, чтобы города и поселения были инклюзивными, надежными, устойчивыми
3. Гарантировать здоровый образ жизни и всеобщее благосостояние независимо от возраста	12. Гарантировать устойчивые стандарты потребления и производства
4. Гарантировать инклюзивное и равное по качеству образование и создавать возможности для постоянного обучения доступно для всех	13. Предпринять срочные меры в противодействии климатическим изменениям и их последствиям
5. Достичь равноправия полов и укрепить права женщин и детей	14. Охранять и рачительно использовать океаны, моря и морские ресурсы в целях устойчивого развития
6. Гарантировать обеспечение водой и устойчивое управление водными ресурсами, а также всеобщность услуг санитарии	15. Охранять, восстанавливать и поддерживать устойчивое использование земных экосистем, рачительно управлять лесами, бороться против опустынивания, остановить и обратить вспять деградацию почв, остановить потери биоразнообразия
7. Обеспечить снабжение до-	16. Поддерживать развитие ми-

ступной, надежной, устойчивой и современной энергией для всех	ролюбивых и инклюзивных обществ, способных благоприятствовать устойчивому развитию, облегчить всеобщий доступ к органам юстиции и на всех уровнях выстраивать эффективные и инклюзивные институты, подотчетные общественности
8. Поддерживать устойчивый, инклюзивный экономический рост, а также полную и продуктивную занятость и доступный, всем посильный труд	17. Укрепить средства имплементации и активизировать всемирный альянс устойчивого развития
9. Создавать надежную инфраструктуру, продвигать инклюзивную и устойчивую индустриализацию и стимулировать инновацию	

Из резолюции 70/1, принятой Генассамблеей ООН в 2015 г.

Библиография

1. Глобальное управление: возможности и риски. Отв. ред. В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. ОГПМО и ИМЭМО РАН, 2015. – 314 с.
2. **Давыдов В.М.** Кризис, антикризисная политика и перспективы посткризисного развития. М., ИЛА РАН, 2010. – 60 с.
3. **Давыдов В.М.** Перспективы БРИК и некоторые вопросы формирования многополярного мира. М., ИЛА РАН. – 2008.
4. **Давыдов В.М.** Результаты и риски криминализации. – Аналитические тетради ИЛА РАН, 2014, №24, с. 7-13.
5. **Давыдов В.М.** Стратегическое партнерство в контексте российско-латиноамериканских отношений. // Вестник российской академии наук. 2016, №4.
6. **Давыдов В., Бобровников А., Теперман В.** Феномен финансовой глобализации. Универсальные процессы и реакция латиноамериканских стран. М., ИЛА РАН, 2000. – 204 с.
7. **Иванова Н.И.** Инновационная политика: теория и практика. – Мировая экономика и международные отношения. 2016, № 1.
8. **Красильщиков В.А.** Человеческое развитие и изменения в мировой системе (опыт количественного анализа). М., ИЛА РАН, 2010. – 162 с.
9. **Кругман, Пол.** Кредо либерала. М. Издательство Европа, М., 2009. – 369 с.
10. Латинская Америка XX века. Социальная антропология бедности. Отв. ред. Б.И. Коваль. М., Наука, 2006. – 287 с.
11. Латино-Карибская Америка в контексте глобального кризиса. Под ред. В.М. Давыдова. М., ИЛАРАН, 2012. – 253 с.
12. Организация Объединенных Наций. Цели развития тысячелетия, доклад за 2015. Нью-Йорк, 2015 – 72 с.
13. Особенности экономического развития США: тенденция 2-го десятилетия XXI века. Под. ред. **Супяна В.Б.** М., ИСКРАН, 2016. – 381 с.
14. Россия в полицентричном мире. Отв. ред. **Дынкин А.А., Иванова Н.И.** М., 2011. – 580 с.
15. Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. М., 2016. – 543 с.
16. **Слука Н.А.** Геодемографические феномены глобальных городов. Москва-Смоленск, 2009. – 316 с.
17. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: Стат. сб. М., 2015. – 311 с.

18. **Фукуяма, Френсис.** Отставание. М. Астрель, 2012 (2008). – 477 с.
19. **Хейфец Б.** Новые экономические мегартнерства и глобальная экономика. – Международная жизнь, 2016, № 3.
21. **Чешков М.А.** Глобалистика как научное знание. М., Наука, 2005. – 220 с.
22. **Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.** Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные процессы. М., ИСЭПН. 2009. – 185 с.
23. **Шевяков А.Ю.** Мифы и реалии социальной политики. М. ИСЭПН, 2011. – 72 с.
24. Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe-CEPAL, 2015, p. 65.
25. **Barciela, Fernando.** La crisis que nadie esperaba. Economía externa. Madrid, №77, 2016, p. 13.
26. **VID.** Tiempo de decisiones. América Latina y el Caribe ante sus desafíos. Coord. por **Andrew Powell.** Washington, 2016. – 130 p.
27. **Bitar, Sergio.** Las tendencias mundiales y el futuro de América Latina. Santiago de Chile, CEPAL, Interamerican Dialogue, 2014. – 56 p.
28. **Bitar, Sergio.** Global Trends and The Future of Latin America. Washington, Inter-American Dialogue. 2013. – 42 p.
29. Declaración de la Comisión de jefes/as y directores/as de policía de Centroamérica, México, el Caribe y Colombia. Managua, 10 de septiembre de 2014.
30. Estados Unidos y los principales actores de la reconfiguración del orden mundial en el Siglo XXI. **Leon-Manríquez, J. L; Mena Alemán D; Valdés Ugalde, J. L. (coord.)**. México, UAM, 2015. – 363 p.
31. **Friedman, Thomas.** La Tierra es plana. Breve historia del mundo globalizado del siglo XXI. M.R. ediciones. Madrid, 2006. – 495p.
32. **García Delgado, José Luis; Alonso, José Antonio; Jiménez, Juan Carlos.** Valor económico del Español. Madrid-Barcelona. Ed. Telefónica, Ariel, 2012. – 2013 p.
33. **Hausman R., Hidalgo e.a.** The Atlas of Economic Complexity. Mapping Path to Prosperity. New Hampshire. Puritan press, 2011. – 362 p.
34. Horizons 2030. Equality at the Century of Sustainable Development. Thirty-sixth session of ECLAC. Mexico City, 23-27 May 2016; Horizontes 2030. La igualdad en el centro del desarrollo sostenible. Trigesimo sexto periodo de sesiones de la CEPAL. Ciudad de México, de 23 a 27 de mayo de 2016. – 176 p.
35. **Maddison, Angus.** La economía mundial: Una perspectiva milenaria DCDE. Ed. Mundi-Prensa. Madrid-Barcelona-México, 2002. – 381 p.

36. **Mendez Gutierrez del Valle, Ricardo.** El nuevo mapa geopolítico del mundo. Valencia. Ed. TirantloBlanch, 2010. – 312 p.
37. **Paranuo, Loudolfo** (coord.). Clases medias y gobernabilidad en América Latina. Madrid, Ed. Pablo Iglesias, 2010. – 3001p.
38. **Prebisch, Raul.** Transformación y desarrollo. La gran tarea de América Latina. Informe presentado al Banco interamericano de desarrollo. México. Fondo de Cultura Económica, 1970. – 306 p.
39. **Stiglitz, Joseph.** The Great Divide. Unequal societies and what we can do with them. New-York-London, 2015.
40. **The Economist.** 2016, July 2-8th.
41. **The World Bank.** Economic Mobility and the Rise of the Latin American Middle Class. Ferreira, Francisco, Messina, Julián et. al. Washington DC, 2013. – 182 p.
42. Transformación productiva con equidad. La tarea prioritaria del desarrollo de América Latina y el Caribe en los años noventa. CEPAL, Santiago de Chile, 1990, p. 11.
43. UNCTAD. World Investment Report, 2005, 2009.
44. <http://elcomercio.pe/politica/actualidad/cual-costo-corrupcion-peru-informe-noticia-1820300>
45. www.unctad.org
46. La inversión extranjera directa en América Latina y el Caribe. CEPAL. Santiago de Chile, 2016.

Редактор – В.Г. Бушуев
Макет – О.И. Крупченко
Дизайн обложки – А.В. Рускол

Подписано в печать 1.12.2016.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16.
Физ.печ.л. 4,5. Уч.-изд.л. 2,5.
Тираж 500 экз. (первый завод 300 экз.).
Заказ №28.
ПЛИА РАН, 115035 Москва, Б. Ордынка, 21.
Тел.: (495) 951-53-23, факс: (495) 953-40-70.